

Национальная культура коренных народов
Республики Саха (Якутия)

Часть III

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ
КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Хрестоматия для учащихся 5—9 классов
русскоязычных школ

*Утверждено учебно-методическим
советом Министерства образования
Республики Саха (Якутия)*

Якутск 1993

Автор-составитель канд. истор. наук Ж. К. Лебедева
Художник Р. С. Гаврильева

Хрестоматия для чтения по предмету «Национальная культура коренных народов Республики Саха (Якутия)». Представлен фольклор пяти малочисленных народов, проживающих на территории республики.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сейчас в мире существует ни мало ни много 5661 язык. Как свидетельствуют ученые, самостоятельных и хорошо изученных языков насчитывается 500. В категорию почти неизученных отнесены полторы тысячи языков. Более трех с половиной тысяч языков — это белое пятно на лингвистической карте мира. Это языки бесписьменные.

До 20-х годов таковыми были и языки 26 народностей Крайнего Севера.

Есть общее у всех этих малочисленных народов — памятники их культуры, их фольклор, сформировавшийся в древнейшие времена и составляющий национальное достояние этих народов.

Уже в древние времена у аборигенов Севера существовало свое пиктографическое письмо и развитая традиция ораторского искусства — обрядовая поэзия; зачатки философской мысли — мифы о происхождении Вселенной; легенды и предания о происхождении народов, рода и племени. Песни же служили своеобразным талисманом, они имели своих владельцев, нуждам которых служили.

Было в устной традиции этих народов и еще нечто общее — тот самый философ, мыслитель, сказитель, певец, который из глубины веков передал нам эти мифы, сказки, предания.

Мудрое слово сказителя, зависевшего веками от природы, учило нас бережному обращению с ней, воспитывало многие поколения в хозяйском и чутком к ней отношении, которое составляет живую и важную традицию аборигенов Севера.

В самом фольклоре народов Севера уже издавна была заложена экологическая проблема, которая так актуально звучит в сегодняшнем мире.

**ДОЛГАНСКИЕ ЗАГАДКИ
И ПРИМЕТЫ**

Еще Аристотель, обратив внимание на художественную форму загадок, определил ее как «хорошо составленную метафору».

Но наверное, интересно будет узнать, для чего же возникли загадки? В древности загадки у многих народов Крайнего Севера имели магическое значение и входили в трудное задание для испытания героя. Древние люди верили в магическое слово. У народов Севера было особое, почитаемое отношение к Слову. Например, долганы во время охоты на диких оленей отгоняли от себя мысль, что они будут убивать оленей, так как, по их представлениям, мысль могла выйти из головы человека через рот и предупредить оленей об опасности. Поэтому, веря в слово, в магическое значение загадок, у некоторых народов Севера был даже обычай во время сборов на охоту коллективно загадывать и отгадывать загадки, что, по их убеждению, положительно влияло на результаты промысла.

У античных греков известен миф о сфинксе, загадывавшем загадки. Не отгадавший их платился даже жизнью. Мотив наказания за неумение отгадывать загадки сохранился, например, в якутском олонхо, где судьба героя зачастую зависела от умения разгадывать загадки.

Но существовали также и определенные сроки, и запреты загадывания в неположенное время. Издавна периодом активного загадывания у многих народов Севера являлись глубокая осень и зима. Однако с течением времени загадки стали формой досуга.

У долган и по сей день загадки остаются любимым видом устного народного творчества. Они бытуют на всем Таймырском полуострове, передаваясь от поколения к поколению и отражая окружающие долган с детских лет природу, быт и среду.

Поэтому можно сказать, что загадка обладает известной энциклопедичностью для познания жизни каждого народа, в том числе и долганского, проживающего в Якутии и Красноярском крае, на Таймыре.

ЗАГАДКИ

1. Золотая тарелка летит.
2. На крыше щербатый ковш лежит, говорят.
3. За озером — яркая пуговка, за марью — рыба-окунь.
4. Люди бечеву из голубого шелка разорвать пытаются, но никак не могут.
5. На крыше множество монет рассыпано, говорят.
6. Щелканье ножниц кыдайской девницы за дневной переход слышно.
7. Вниз по реке жестяная тарелка плывет.
8. В воде не тонет, в огне не горит.
9. В доме — постель, на дворе — калачик.
10. Четверо постель готовят, двое лучиной светят, один метет сор; как кончат, хозяин с шумом на постель сваливается.
11. Есть, говорят, такое, что свой век не просыхает.
12. На пастбище — бегаёт, на выгоне — припадает.
13. Под землей клей кипит.
14. То, что старик Оршок рисовал, не смог писарь записать.
15. Записывающий не успеваёт записывать, считающий не успеваёт сосчитать.
16. К крепкому дереву иней не пристаёт.
17. Если бы руки да ноги имела, до неба достала бы.
18. Если бы выпрямилась, неба достигла бы.
19. Великий зверь бечеву от носа имеет.
20. Множество людей стоят кланяются.
21. Множество людей, ухватившись за волосы, стоят.
22. Беломордый щенок бочку до дна слизывал, говорят.
23. Белый щенок жир лакает.
24. Рыба-таймень на пятьдесят кусков делится.
25. Хоть с глазами — крови нет, хоть с лицом — жира нет.
26. Два щенка взапуски бегут, но перегнать друг друга не могут.
27. Через лес — щепки от топора.

28. Шапка деревянная, подошва каменная.
29. Под водой тихий вор водится.
30. Через лес — вороний помет.
31. С бечевой на носу, именитый зверь каждую пробоину обхаживает.
32. Мать, хоркая, осталась; олененок, плача, умчался.
33. Старик в торбасах мерзлую тундру ногами продавликает.
34. День жиреет, день худеет.
35. Пестрый щенок через затылок плюет.
36. Один дикий олень на притоке хоркает.
37. Братья друг к другу в дом не входят.
38. Пробивающий пробивает, заделывающий заделывает.
39. Крохотный шалун тысячу глаз имеет.
40. Замужние женщины с мужьями днем встречаются, а на ночь расстаются.
41. Великий зверь никак не может на сопку подняться: все вниз сползает, говорят.
42. Зверь рану на животе имеет.
43. У старого ведуна — пузо голое.
44. В речном закутке олений самец зимует.
45. Два брата друг друга не видят.
46. Мертвец и живой человек общую подошву имеют.
47. С двух берегов женщины шестью бьются.
48. Меж двумя озерами пригорок лежит.
49. Два черных соболя одну подошву имеют.
50. Одна старушка до полки не достает.
51. Множество людей под обрывом скопилось.
52. В один огромный балаган лед загрузили.
53. По обоим склонам сопки — два безрогих оленьих самца.
54. Множество людей на себе льдины несут.
55. Щербатый золотой черпак плывет.
56. Множество людей, перемигиваясь, стоят.
57. Два лосиных рога плывут.
58. Друг — хромым, приятель — плоский.
59. Один человек в гнезде век свой вертится.
60. Обсосало-присосало огненный рот.
61. Стадо оленей вокруг озера пасется.
62. Одного старика каждый день избивают, а он пощады не просит.

63. Великий зверь рану на боку имеет.
64. И в дом не входит, и во двор не входит.
65. Два брата: один — во дворе, другой — в доме.
66. У четверых одна шапка.
67. В лесу шаман закамлал.
68. «Холодно», — говоря, в пекло лезет; «Жарко», — говоря, от огня бежит.
69. Берега — железные, в них рыба — без костей.
70. Белый дом с тремя входами.
71. В речном закутке ласка зимует.
72. Зыбкий пловун к озеру прорвался.
73. На краю леса два озерка лежат, деревьями обрамленные.
74. В ней хотя и нет огня,
Греет, как костер, меня...
75. Молчалив во время стужи,
Жар ему для песни нужен,
Но в огне кричит и плачет
И скорей на холод скачет.
76. На льду озерном пляшет,
Головой железной машст.
77. На снегу лежит бревно,
Очень странное оно:
Даже ночью темно-синей
На него не ляжет иней.
78. Его в сети не поймать,
Краской не затушевать.
79. Целый вечер жир-жирок
Лижет беленький щенок.
80. Если б все его изгибы
Люди выпрямить могли бы,
Он таким бы длинным стал,
Что до неба бы достал.
81. Мчится черное за белым
По снегам заиндевелым.
Только сколько им не мчаться,
Друг за дружкой не угнаться.
82. Даже самый большой грамотей
Столько книжек и длинных статей
На своем не напишет веку,
Сколько строк на таймырском снегу.
83. Мал щенок, а норовист:
Тронешь — подымает визг,
И мгновенья не пройдет,

- Сразу дыбом шерсть встает.
84. Эти двое при народе
Век не изменяются:
Весело всегда уходят,
С плачем возвращаются.
85. Четыре наряда
У этой красавицы,
И в каждом наряде
Любому понравится.
86. Глыба черная лежала,
Как весенний снег лоснясь,
Лишь в огонь она попала —
Сразу кровью облилась.
87. Рядом два щенка бежали,
Звонко, весело визжали,
Но друг дружку обогнать
Им не удалось опять.
88. На рыбалку до зари
Одевают постоянно
Каменные бокари,
Шапки деревянные.
89. Хотя у птицы два крыла,
Взлететь, однако, не смогла.
Но это, впрочем, не беда —
Ей больше нравится вода.

ОТГАДКИ

1. Солнце
2. Месяц
3. Солнце, луна
4. Луч солнца сквозь дыру в покрытии чума¹
5. Звезды
6. Гром
7. Пена на воде
8. Лед

¹ Чум — общераспространенное на Севере разборное, правильной конической формы жилище кочевников. Устраивалось из наклонно поставленных жердей (шесть), обтянутых покрывком из оленьих шкур. Верх его (в месте соединения жердей) был открыт для выхода дыма от расположенного посередине костра-очага.

9. Собака
10. Собака
11. Собачий нос
12. Куропатка, заяц
13. Медведь в берлоге
14. Следы оленей
15. Следы оленей
16. Оленьи рога
17. Дорога
18. Дорога
19. Иголка с ниткой
20. Деревья на ветру
21. Жерди для чума
22. Свеча
23. Керасиновая лампа
24. Самодельный деревянный календарь
25. Фотокарточки
26. Полозья саней
27. Пасти¹ на песцов
28. Сеть
29. Сеть
30. Поплавки для сети
31. Прогонная жердь сети
32. Выстрел из ружья
33. Пешня²
34. Обледенение пешни, сачка
35. Рубанок
36. Шум от скребка³
37. Пальма⁴
38. Иголка с ниткой
39. Наперсток
40. Пуговицы и петли
41. Гребень

¹ П а с т ь — ловушка давящего типа, преимущественно для песка.

² П е ш н я — железный специальный лом для долбления льда.

³ С к р е б к и — из камня, кости и железа, различной формы — служили для обработки звериных шкур.

⁴ П а л ь м а — длинный нож с односторонним широким лезвием и острым концом, прикрепленный к длинному древку; пользовались пальмой как режущим и колющим оружием.

42. Замок сундука
43. Колотушка от бубна¹
44. Нога в обуви
45. Глаза
46. Кривой глаз
47. Ресницы
48. Переносица
49. Брови
50. Язык, нос
51. Зубы
52. Зубы
53. Уши
54. Ногти и пальцы
55. Месяц
56. Звезды
57. Крюк для подвешивания котлов над очагом
58. Кресало, трутница
59. Сверло
60. Трубка
61. Зубы
62. Лежень, на котором рубят дрова
63. Окно
64. Дверь
65. Дверные ручки
66. Стол
67. Кипящий котелок
68. Чайник
69. Сковорода, оладьи
70. Штаны
71. Стелька
72. Линные гуси
73. Волосы, глаза, ресницы
74. Парка
75. Чайник
76. Пешня
77. Бивень мамонта
78. Солнечный зайчик
79. Сальник для освещения
80. Дым

¹ Бубен — ритуальная принадлежность шамана, необходимая на камланиях. Состоит из дощатого обода, обтянутого кожей или пузырем дикого оленя. Бьют по бубну колотушкой, покрытой шкурой.

81. Черный кончик на хвосте горностая
82. Следы оленьего стада
83. Рубанок
84. Ведро
85. Земля
86. Горящий уголь
87. Полозья саней
88. Сети с грузилами и поплавками
89. Ветка¹ и весла

ПРИМЕТЫ

Если шумно хороводят
Вновь гагары над рекой,
Значит, завтра быть погоде,
Да притом еще какой!

Если сеть свою густую
Весело плетет паук,
Значит, невод не впустую
Будешь выбирать, мой друг.

Если рано-рано утром
Стелется весной туман,
Значит, жди крикливых уток
Из далеких теплых стран.

Если в теплый день неожиданно
Гуси к югу повернут,
Значит, ветры с океана
Снег и холод принесут.

Если чайки разгалделись
На разбойном языке,
Значит, рыбы в самом деле
Густо водятся в реке.

Если дикие олени
Забрели в свой снежный край,
Ты за ними без сомненья
Куропаток ожидай.

¹ Ветка — лодка.

Если лемминг юркий
Под ногами стал шнырять,
Значит, мы песцовых шкурок
Сможем много нынче сдать.

Если птичка-свистунья
Падает со свистом вниз,
Значит, жди ты с летом встречи,
Комара поберегись.

Если днем погожим тундра
Не звенит от комара,
Значит, жди, что завтра утром
Разожжет костры жара.

Если сонная собака,
Высунув язык, лежит,
Значит, завтра будет жарко,
Сбросить парку поспеши.

Если пуночка к полету
Собралась с птенцом вчера,
Значит, начинать охоту
На линных гусей пора.

Если малость попритихла
Только к вечеру пурга,
Значит, жди, неделю лихо
Будут вновь гулять снега.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

У лодыря сердце стынет,
а язык, как пламя, трепещет.

От мороза спасают не рукавицы,
а жаркая работа.

Сплетни и пересуды
всегда беззубы,
хотя и больно кусаются.

Добычливая охота:
спать да потягиваться.

Своя еда
не приестся никогда.
В гостях плотно поел,
да не сытно.

От больного места руки не отнять;
от любимого друга глаз не отвести.

Ну и подхалим,
скользкий, как налим.

У сквернословца изо рта
слова прыгают, как лягушки.

К честному человеку
и соринка не пристанет.

Прошлое — оно такое,
Правду сохранит и ложь.
Облаками не закроешь
И рукой не отведешь.

Все лентяй на свете может:
Без особого труда
Языком всегда поможет,
А руками — никогда!

В час, когда пурга случится,
Если пальцы вдруг свело,
Не спасут и рукавицы,
Лишь работа даст тепло.

Язык на зубы не похож —
Известно это каждому,
Но укусить он может все ж
Взбесившейся собакою.

У кого вошло в привычку
Спать на шкурах допоздна,
Видит добрую добычу
Только лишь во время сна.

Ищет кто — всегда отыщет
Промысловые места.

Кто сидит в своем жилище,
Не добудет и хвоста.

Хоть в гостях не раз пригубишь,
Ешь досыта за столом,
Гостеваньем сыт не будешь —
Будешь сыт своим трудом.

Он собственную бороду
Переступает даже,
Но как был глупым смолоду,
Ума так и не нажил.

ОБЫЧАИ

Есть у долган такой обычай —
Делиться первою добычей.

Дай гостю лучший из кусков,
Второй кусок — для стариков.

Поверье древнее гласит —
Удача у того гостит,
Кто от людей ее не прячет.

Литература:

1. Аксенова О. Бараксан. Красноярск, 1973.— С. 82—84; с. 100—103.
2. Долганский фольклор. Л., 1937.
3. Таймырские сказы. Красноярск, 1982.— С. 150—152.

**ЧУКОТСКИЕ
МИФЫ**

Что такое чукотские мифы? Это отчетливые по содержанию, лаконичные по форме произведения, которые создавались в течение тысячелетий и бережно передавались из поколения в поколение в устной традиции. Все эти фантастические и, можно сказать, даже детективные по-своему сюжеты древних чукотских мифов в образной художественной форме рассказывают нам о далеком прошлом, о длительной и трудной истории маленького, но очень мужественного северного народа. Они повествуют о давней жизни чукотских полярных охотников, которая веками складывалась на этом морском побережье. Извилистой, ломаной линией тянется оно, это побережье, вдоль скалистых гор и длинных обрывистых мысов, вдоль галечных кос и лагун. На этих берегах начиналась когда-то история чукотских морских зверобоев. Древнейшие корни этой истории уходили на запад и на юго-запад, в тундру, и в глубь азиатского материка, в загадочную глубину тысячелетий...

Мифы назывались «истинными рассказами» и по сей день переносят нас в далекое прошлое чукотского народа. В мифах все очеловечивалось, все представлялось живым и телесным. Например, небо, возвышавшееся над головой, наполнялось жизнью человеческой, где живут «верхние люди», то есть люди умершие на земле и продолжающие реально жить там, наверху. «Верхние люди» так же охотятся на оленей, как и «нижние люди» здесь, на земле. Там в большом и светлом шатре живет Солнечная Старуха — Солнце. Она лежит в своем шатре «лицом вниз» и сверху через круглое отверстие смотрит вниз — светит людям. Большой интерес представляют мифы о белых медведях, живущих, как люди, в снежных или меховых жилищах, в своей стране, на островах в океане. С белым медведем-умкой нельзя было враждовать открыто. Его можно было убивать только в пищу,

что было оправдано законом жизни. Его надо было за-
добрить, а потому необходимо было после успешной охо-
ты совершать обряд благодарения, с заклинаниями и тра-
пезой, и содействовать таким магическим способом
охотничьей удаче. Надо было объяснить медведям, что
человек вынужден иногда убивать их, чтобы медвежьим
мясом и жиром спасти себя от голодной смерти. Люди
как бы просили прощения у медведя за убийство и бла-
годарили его за мясо, жир и шкуру. А иначе медведи
могли отомстить по законам кровной мести. О такой
медвежьей мести рассказывают древние чукотские мифы,
дошедшие до наших дней.

В чукотских мифах киту тоже отводится определенное
место. В древних мифах кит женится на девушке-сиротке
и у них рождается сын, который в свою очередь стано-
вится героем других мифов, называясь «китовым чело-
веком». Эти китовые люди живут где-то в морской глу-
бине, в своей стране, но живут и разговаривают как люди.
С ними тоже встречается человек, попадающий в их
страну — в мифах об этом рассказывается так, будто
речь идет о встрече человека с людьми из другого пле-
мени.

Но главными и постоянными объектами морского
зверобойного промысла полярных охотников были тю-
лень и морж. Именно поэтому много чукотских мифов
связано с очеловечиванием моржа и тюленя. Так, напри-
мер, девушка неожиданно падает в море, попадает к
моржам, сама превращается в моржиху и начинается
ее вторая жизнь — жизнь хозяйки моржовой страны...

Следует сказать, что хотя язык мифов и отличается
от повседневного разговорного, но некоторые художест-
венные средства, как, например, метафоры, слабо разви-
ты, зато значительно шире представлены сравнения.

Мифы в художественно-образной форме как бы пре-
дупреждали охотников об опасностях, учили жить и до-
бывать зверя, учили взаимопомощи и человеческой до-
броте, осуждая жестокость и коварство.

*Из предисловия Л. Беликова к книге
«Чукотские народные сказки, мифы и предания».*

МИФ О ДЕВУШКЕ, МОРЖОМ СТАВШЕЙ

Пятеро их было братьев, а шестой — мальчишечка маленький, братишечка их, да еще сестра одна-единственная, ну и отец с матерью, — девять их было. Так и жили все вместе.

И вот девушку эту, сестру одну-единственную, уж очень хотели они в жены отдать куда-нибудь, да только никак не хотела она. Куда только ни старались отдать сестру братья и отец их, чтобы один из братьев жену мог взять. И только мать жалела дочку свою, очень жалела.

И эту сестру свою единственную куда только ни возили братья по разным стойбищам, но никак не хотела она в жены идти ни к кому. Даже хотели ее келе¹ в жены отдать, раз уж людям отдать не смогли.

Ведь вон что задумали! Единственную свою сестру мучили как!

Однако и келе в жены отдать не смогли.

— Куда только ни старались отдать тебя, да вот никак не смогли — ведь не идешь ты! Будем на охоту брать тебя в море, раз уж в жены ни к кому не идешь!

Потом пошел один брат, будто к морю пошел он, долго не было его. Когда вернулся, говорит отцу и братьям:

— Ох и много моржей там!

— Да ну? Тогда пойдем скорей!

Сели в лодку они. Сестру тоже с собой в лодку взяли и отправились в море, будто моржей бить...

На самом деле этот брат не моржей, а утес над морем искать ходил, смотрел, где утес большой есть. Оказывается отец ее злое задумал — тайком от матери велел сыну: «Утес поищи, а сам будто моржей пошел смотреть...»

И вот плывут они, ох и далеко уже плывут, а куда — не знает девушка, все думает, что будет с ней... Вдруг утес показался, огромный утес у самого устья реки поднимался над морем. Прямо над морем нависал утес этот.

Стали подплывать они к утесу, а рулевым их отец был. К утесу причалили и по расщелине вверх подниматься

¹ Келе — постоянный персонаж чукотского мифа. Фантастические существа эти, олицетворяющие враждебные человеку силы, охотились за людьми, особенно за детьми, и любили лакомиться печенью человека.

стали. Как на вершину утеса поднялись, так одного сына отец с топориком в чашу послал — колья там нарубить.

Вернулся тот с кольями — стали колья эти на вершине утеса забивать, поближе к обрыву. А девушка все думает с тревогой: «Ой, что же это они делать со мной собираются?»

Как позабывали они колья, так тут же и схватили девушку... Руки ей за спину связали и ноги внизу ремнем стянули. Потом моржовым ремнем крепко одним концом к ногам привязали, а другим к кольям прикрутили и прямо с обрыва вниз головой над морем подвесили. Так и оставили ее там, над морем, всю в слезах, плачущую...

Расправились они с ней и вот уже обратно плывут.

А девушка так и висит над морем вниз головой, вся в слезах, плачущая.

Возвратились они к себе — спрашивает мать сыновей:

— Где же сестра? Где оставили ее?

А они отвечают:

— Да вон на берегу оставили. Капусту морскую собирает.

— Ну что ж, — поверила мать.

Вот темнеть стало, все не возвращается дочь. Весь вечер проплакала мать, все плачет и думает: «Где же бросили они дочь мою несчастную, единственную?»

Наконец и спать завалились братья эти с отцом своим, храпят уже. А мать все уснуть не может. Потом поднялась она и вместе с мальчишкой своим из шатра вышла. Вышли они и прямо по берегу моря ночью отправились вдвоем.

Идут они так по берегу, дальше и дальше идут. Мать все плачет, а сынишка спрашивает ее:

— Почему ты плачешь мама?

— Сестренку твою искать идем. Не знаю, где она, где бросили ее. За руку вела сынишку своего маленького. Потом устал он совсем, мальчишечка этот. Сели на берегу. И тут морж из воды показался — ну как будто человек морж этот. И вдруг:

— Мама, не плачь, не надо! Вот я теперь моржихой стала... Сильно мучили меня братья, к утесу с обрыва над морем подвесили. Ну а теперь вы поскорее к себе возвращайтесь, скажите им — много моржей там на льдинах.

Пошли они, мать с сынишкой. Как пришли, говорит им мать:

— Вот уж моржей там много на льдинах!

— Да ну! Вот как! Отправляться надо скорей!

Отправились они сразу все. Ох и обрадовались охотники — уж очень хотелось им моржей добыть! И вот уже к льдинам на лодке подбираются, к моржам крадутся.

И вдруг одна моржиха молодая со льдины в воду бросилась. А те, в лодке, к льдинам подкрадываются, к моржам лежащим. И вот моржиха та, что со льдины в воду бросилась, вдруг у самой лодки из воды вынырнула, клыками за борт захватила лодку и опрокинула сразу. Повернулась лодка, люди в воду попадали — утонули все.

Оказывается, это сестра их из человека в моржа превратилась.

А мать ее с одним мальчишкой маленьким осталась. Так вдвоем и жили. Наконец подрос мальчик и уже на охоту в тундру пошел. Потом, как в силу вошел, диких оленей в тундре бил. Сильным и ловким охотником стал, всегда теперь у матери пища была.

Так вот мучителей своих — отца и братьев — прикончила сестра. А сама она не вернулась больше, в море осталась — в моржа ведь она превратилась.

А мать с сыном очень хорошо жить стали — всегда оленей сын добывал.

МИФ О ЧЕЛОВЕКЕ И ОРЛЕ

Жил оленевод один в тундре. Не было у него сыновей. И постоянно сам он пас оленей своих.

Вот пошел он однажды в стадо на ночь. Вдруг стон услышал и думает: «Что за диво, что же это послышалось мне? А ну-ка схожу посмотрю!»

Пошел он прямо на стон и вдруг орла с поломанным крылом увидел... Подошел к нему и унес его в свой шатер.

С той поры долго болел орел. Человек постоянно оленей забивал, чтобы поправился орел.

Наконец понемногу стал говорить орел. Сказал он человеку:

— Ну, теперь довольно уже забивать оленей!

А человек говорит:

— Ну, нет! Вот вылечу тебя, тогда и перестану забивать.

А стадо все меньше и меньше становится.

Вот уж заметно уменьшилось стадо. Когда весна началась и от стада его совсем мало осталось оленей, уже поправляться стал орел.

Лето наступило — ни одного оленя не осталось, и орел уже совсем поправился. Говорит он человеку:

— Вот и съел я твое стадо. Полетим к нам теперь. Потом обратно сюда вернуться помогу тебе.

Когда собрался в путь, сказал орел:

— На спину мне садись!

Сел человек на спину орла. Долго, очень долго летели они! Наконец подлетать стали к тому месту, где орел жил. Прилетели. Обрадовались, было, братья орла, заговорили:

— Давай прикончим его и съедем!

Рассердился орел, сказал:

— Вот уж нет! Он меня спас, а вы прикончить его хотите!

Долго пробыл там человек.

Наконец однажды говорит орел:

— Пора, повезу тебя обратно!

Дал он человеку ящичек небольшой и сказал:

— Когда вернешься — открой его.

Потом отправились они. Принес обратно орел человека, а сам улетел.

Ящичек открыл человек, а оттуда стадо оленей появилось...

МИФ О БОЛЬШОЙ ГАГАРЕ

Совсем не было никакого зверя. Долго, очень долго дула пурга. Потом люди с голоду умирать начали. Кто живой был еще — мышей ели.

И тогда два старичка и молодой с ними в море пошли, в торосы, — сеть на тюленей ставить. Поставили сеть тюленью в лунках.

Ночью наведались — только гагара и попала в сеть, но очень большая гагара... Вот обрадовались люди!

Вытащили они гагару — чуть было не улетела... Снова поставили сеть в лунках. А гагару эту большую втроем потащили — юноша впереди, старики позади — с трудом волокут по льду одну гагару большую.

Добрались наконец до берега, к жильцам своим,— вот уж дети радовались! Сварили люди гагару эту большую, всю съели.

Назавтра опять в море отправились к лункам, где сеть стояла. Пять человек пошло теперь сеть смотреть — две женщины, трое мужчин. А в сеть уже пять нерп попало и три лахтака¹.

Весь день тащили они сеть с добычей — вытащить не могли... Тогда сказал один сыну своему:

— Сходи за людьми в шатры.

Пошел за людьми сын. Позвал на помощь. Пришли из шатров люди. Вытащили они и нерп, и лахтаков. Всю добычу к шатрам приволокли.

Потом поправились люди, не голодали больше.

МИФ О ЧЕЛОВЕКЕ И БЕЛЫХ МЕДВЕДЯХ

Жил человек с женой. Человек этот охотой в море промышлял, всегда тюленей добывал. Бил он и моржей, и китов, и белых медведей тоже.

Однажды пошел человек на охоту в море и в торо-сах белого медведя увидал. Убил его. К себе вернулся, в жилище свое.

Назавтра снова пошел на охоту. И вот слышит скрип снега в торо-сах... Прислушался — будто приближается скрип. А потом трех медведей белых увидел. И вдруг спрашивают медведи человека:

— Нашего, на поиски пищи ушедшего, не видел?

Отвечает им человек:

— Нет, не видел.

А на самом деле того медведя он убил.

Потом к себе пошел человек. В жилище свое пришел — нет жены... Сказал он тогда племяннице:

— Кухлянку² мне сделай, штаны, торбаса³, шапку!

— Ладно, сделаю все! — племянница ответила.

Сделала она одежду. Отправился в путь человек, пошел жену искать.

¹ Лахтак — морской заяц (вид тюленя).

² Кухлянка — верхняя меховая одежда.

³ Торбаса — обувь из нерпичьей шкуры или камуса (шкурок с оленьих ног).

Долго, очень долго шел человек. Наконец увидел он стойбище¹. Стал подходить к стойбищу, а там, на самом краю, жилище маленькое стоит.

Пошел туда. В жилище вошел.

— Откуда? — из полога² спрашивают.

— Из дальних я! — человек отвечает.

— Вон одежду снять помогите пришельцу! — сказал полого старик сыновьям.

Вышли из полога сыновья, а это медведи, оказываются... Медвежьего народа стойбище это, белых медведей жилище.

Сняли медведи одежду с пришельца. Говорит сыновьям старый медведь:

— Приберите одежду, сложите получше!

Прибрали сыновья одежду.

Влез человек в полог. Сказал старик дочерям:

— Еду приготовьте!

Они жир тюлений подали было гостю. Говорит человек:

— Не едим мы пищи такой!

Тогда сказал дочерям старик:

— Другим покормите!

Подали ему мяса мерзлого. Съел его. Спрашивает потом старик медведь человека:

— Ну, зачем пришел?

— Да жена вот пропала, — человек отвечает.

Говорит ему старик:

— А жену твою наш сильнейший похитил.

— Вот как! — сказал человек.

— А тебя наши прикончить хотят!

— Пусть, раз уже на смерть пошел!

Спать улеглись. Когда утром проснулись, слышат вдруг — какой-то мужчина-медведь вошел, говорит:

— Где пришелец? Поиграть хотим с ним, повеселиться!

Вышел из жилища пришелец и к медвежьему народу пошел. В стороне от стойбища медведи дожидались пришельца. Много белых медведей там было! И совсем

¹ Стойбище — временная стоянка кочевников оленеводов.

² Полог — спальное помещение внутри жилища (землянка, яранга) из оленьих шкур, натягивающихся на деревянный каркас.

как люди жили они и говорили тоже как люди — только медведями белыми были...

Подошел к ним пришелец. Говорит ему один медведь:

— Эй, давай в прыжках померяемся!

— Что ж, ладно! — человек отвечает.

Как прыгнет медведь! А потом человек прыгнул — медведя позади оставил.

Вернулся человек к хозяевам своим. Спросил его старик:

— Ну что?

— Да сегодня позади их оставил! — ответил человек.

Назавтра утром опять посланец пришел. Говорит гостю старик:

— Ну сегодня убьют тебя!

— Пусть, раз уж на смерть пошел!

И опять к медведям идет человек. Подошел к ним поближе. Говорит ему медведь один большущий:

— А ну, поборемся!

— Что ж, ладно! — человек отвечает.

И бросился медведище этот на человека! А человек как схватил медведя за голову, так с головы шкуру и содрал, прикончил его...

Обратно к хозяевам пошел. Опять спрашивает старик:

— Ну как? Что сделали с тобой?

— Да ничего, — сказал человек.

Назавтра утром снова пришли за ним. Говорит ему старик:

— Сегодня, наверно, убьют тебя. Есть у них голова моржовая — большая. Головой этой в мяч они играют.

— Что ж, посмотрим, — сказал человек и снова к медвежьему народу отправился.

Когда подошел он к мужчинам-медведям этим — сразу же голову моржовую и увидел Большая была голова и с клыками. Говорят ему медведи:

— А ну, вон там, подальше, встань!

— Что ж, ладно, встану! — ответил человек и встал подальше.

Потом крикнули ему:

— Сначала мы тебе мяч подадим!

— Давайте вы сначала, — человек ответил.

И кинули мяч прямо в него! Летит голова эта с клыками, вот-вот ударит его. А человек в сторону отско-

чил — она и пролетела мимо..: Потом взял человек мяч этот клыкастый и крикнул медведям:

— Держите, вам теперь подаю!

— Ладно уж, подавай! — закричали медведи.

И выставили они вперед самого ловкого своего медведишку. Как кинул в него человек голову эту моржовую, так и пропорол грудь медведю клыками острыми! Прикончил его!

Снова к хозяевам вернулся. Снова спрашивает старик:

— Ну как они тебя?

— Да опять прикончил вашего, — сказал человек. — А теперь вот с вашим сильнейшим сразиться надо!

Говорит человеку старик:

— Вот теперь-то убьют тебя! Сильнейший наш — Кочатко¹ — беда как силен, да и свиреп к тому же.

— Пусть! И на него пойду — зачем жену похитил!

И пошел человек на самого сильного медведя — на Кочатко пошел. У большого его жилища жену свою вдруг увидел... Стала говорить жена:

— Зачем пришел? Прикончат тут тебя! Беда как силен этот огромный!

Сказал человек:

— Ну и пусть, раз уж на смерть пошел! Не боюсь я!

Вдруг видит человек — выходит на него Кочатко — огромный, самый сильный из медвежьего народа этого... Из большого жилища своего выходит Кочатко. Вышел и говорит человеку:

— Ого, за женой пришел! Ну нет, не отдам так! Вот сразу и прикончу тебя!

Замахнулся было лапой Кочатко, но отскочил в сторону человек, а потом как бросится на медведя, будто нападая! Встал сразу на задние лапы Кочатко огромный — прикончить хотел человека. Но в тот же миг подскочил к нему человек да как ударит медведя в сердце копьем, так задрожал сразу Кочатко сильнейший, задрожал весь и кончился тут же...

Забрал человек жену свою и к хозяевам пошел. Опять спрашивает его старик:

— Ну как?

¹ Кочатко — одинокий белый медведь, часто воюющий в пургу. В чукотской мифологии Кочатко — это огромный медведь, главный в медвежьем стойбище.

— Да прикончил я вашего сильнейшего,— человек говорит.

Подумал старик медведь и сказал:

— Ну и силен же ты, человек! Бери тогда одну дочь мою в жены и к себе возвращайся!

Отправились в путь они втроем теперь. Долго были в пути. Наконец домой пришли, к шатру своему.

Хорошо стали жить с той поры, всегда добыча у них была.

МИФ О ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЯХ

Мать умерла, потом и отец. Дикого оленя били летом братья. Когда оленину варили, в котле оставляли мясо вареное и жир. А как с охоты приходят — жир тронут уже и мяса меньше в котле.

Сказал тогда старший брат:

— Кто же мясо поедает? Как на охоту пойдем, пусть останется один. Постережем того, кто приходит, когда нет нас.

Ушли братья дикого оленя добывать, а один, четвертый, остался. Самому младшему остаться велели. В шатре у входа спрятался человек:

Уже полдень настал. Вдруг у наружной стены тень мелькнула. Притаился человек, ждет. Думает: «Этот и приходит, наверно».

Вдруг скелет вошел — женщина это, оказывается, да только скелет... Бросился человек на нее! Бороться схватились! Заговорил вдруг скелет:

— Лучше в жены возьми меня! Ведь совсем одни вы, братья, живете, плохо вам одним! Хоть помогать буду.

Вот уж наварил тогда дружок наш оленины побольше и скелет этот мясом обложил, а сверху и жиром еще! Потом сказала женщина:

— Теперь отвернись, а как скажу, так сразу ко мне поворачивайся!

Отвернулся человек — говорит ему женщина:

— Ну, теперь посмотри на меня.

Как глянул на нее — ох, какую женщину увидел! Сказал человек:

— Возьму тебя в жены!

Взял ее в жены.

Еще не пришли охотники, а женщина стала уже мясо варить. Пришли с охоты те трое. Вышла к ним женщина из шатра. Вот обрадовались братья! В шатер вошли. Самый старший захотел себе в жены ее взять. А младший, тот, что первый ее увидел, рассердился...

Снова втроем на охоту братья пошли, а младший остался. В пологе женщина шкуру ногами мяла. Влез в полог младший, говорит ей:

— Лучше моей женой будь!

— Нет, не буду! Отстань ты! — женщина крикнула.

Доску для кройки шкур схватила да как замахнет на него — навзничь вдруг упал человек... Насмерть пришибла, оказывается!

Быстро в шкуры завернула, ремнями связала, из шатра вытащила и наверху, где шкуры лежали¹, спрятала.

Пришли братья с охоты, спрашивают женщину:

— А где младший наш?

Отвечает женщина:

— Да прямо следом за вами пошел.

Теперь другой брат остался — самый старший. Стал тесать под навесом, где шкуры лежали. Вдруг на голову капнуло что-то. Вытер, посмотрел — кровь. Думает про себя: «Откуда это?» Снова тесать стал — опять капнула кровь. Тогда шкуры наверху разобрал и там младшего увидел... Прикончила, значит, его женщина эта! Молча обратно в шкуры его завернул, там и оставил!

Другие братья пришли когда, сказал им тихо:

— А ведь, наверно, женщина эта прикончила его.

Назавтра все трое на охоту ушли. В тундре яму большую выкопали. Весь день потом червей собирали. И в яму эту бросали. Стали там черви быстро расти. Вот уже, как собаки, большие стали...

На другой день сидит женщина в шатре, на изголовнике, шьет. И вдруг на руке паучка² маленького увидела. Сказала женщина:

— Что это бегают они тут?

А паучок заговорил вдруг:

— Да вот тебя пожалел, потому и пришел. Слушай, что скажу: выкопали для тебя в тундре яму глубокую.

¹ Имеется в виду деревянный навес для хранения шкур.

² Паук в мифах чукчей наделен мудростью и помогает терпящим бедствие героям.

А завтра как скажут: «Диких оленей много идет, стук копыт слышен, сходи туда!» — так сразу и отвечай им: «Погодите, оденуть вот! А пока перчатки эти обрядовые примерьте!»¹

И ведь верно, назавтра, как пришли с охоты, говорят ей:

— Диких оленей много идет, сходим туда!

Отвечает им женщина:

— Погодите, оденуть вот! А пока перчатки эти обрядовые примерьте!

Потом смотрят, а женщина вдруг вверх поднимается. Бросились к ней, схватить хотели — не смогли достать! Высоко поднялась!

А это паучок вверх ее поднял, оказывается...

МИФ О ВОРОНЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

Жил когда-то один оленевод в шатре своем. Других шатров не было там. Однажды на его стадо волк напал и оленей задрал.

Назавтра хозяин пошел в стадо, а там ворон² уже оленя задранного поедает. Говорит ворону человек:

— Ну и дурной ты, — что увидел, то и пожираешь сам! Уж лучше своим бы унес! — Только сказал это человек — ворон сразу вверх взлетел. А человек к шатру своему пошел.

И тут вдруг запуржило сильно. Заблудился в пургу человек. Наконец шатер какой-то увидел, вошел туда. А его ворон, тот самый оказывается, приветливо встречает и жене говорит:

— Накорми скорей человека!

Поел человек. Потом стемнело уже. Сказал тогда ворон: «Ну что ж, придется для гостя в бубен побить, чтобы уснул...»

¹ Перчатки из самодельной оленьей замши, имитировавшие лапу зверя или птицы и употреблявшиеся в прошлом чукотскими охотниками для совершения обрядов и обрядовой пляски, а также для ловли оленей арканом во время обрядовых праздников.

² Ворон — главный герой чукотских мифов — творец, добывающий солнце, луну, звезды, клювом продалбливающий небо, чтобы взошла заря.

Стал в бубен бить ворон. Бьет в бубен и приговаривает: «Ну и дурной я, не думаю ни о чем, уж лучше бы детям своим унес!» Потом вдруг человек от холода проснулся — уже на снегу лежит, нет ни шатра, ни ворона... Пока одевался, продрог сильно.

А это ворон, оказывается, проучить его хотел.

С тех пор человек этот даже мышей не стал убивать.

МИФ О ЖЕНЩИНЕ И ТЮЛЕНЕ

Мужчина и женщина жили.

Однажды человек этот в море на охоту отправился. Когда ушел муж, вышла жена из шатра и к морю пошла на лед, к лунке, оленьи сухожилия вынесла промывать. Вдруг тюлень из лунки выскочил, женщину за край одежды схватил в воду утащил.

Вернулся с охоты муж, а жены нет... Всю ночь шаманил человек, в бубен бил, — нет, не смог найти.

Назавтра, когда вышел из шатра человек, песца увидел. Спрашивает песец человека:

— Случилось что у тебя?

Сказал человек:

— Жена у меня пропала.

Говорит тогда песец:

— Завтра вместе поищем лунку на льду — там она с тюленем. Жену твою тюлень себе в жены взял.

Вернулся человек в шатер и тюленью сеть, самую крепкую, изготовил.

Назавтра отправились они с песцом в море, к лункам, тюленью сеть ставить. Каждую лунку обнюхал песец. Остановился потом у одной, обнюхал ее — сильно пахло оттуда! Говорит песец:

— Здесь ставь!

Поставил там сеть человек. Сказал тогда песец:

— Если попадет в сеть самка тюленья, сними шкуру с нее. Потом собаку освежуй, еще у живой сердце вынь и на эту самку тюленью положи, а сам выйди. Пусть там побудет.

Пошел назавтра человек сеть смотреть. А там уже большая самка тюленья попала.

Приволок он ее в шатер, шкуру с нее снял, потом собаку внес, сердце еще у живой вынул, освежевал и на

тюленью самку положил. Сам наружу вышел. А потом, когда снова вошел, вдруг окликает его жена.

Говорит человек:

— Что за диво! Куда же это ходила ты?

Сказала женщина:

— Меня тюлень к себе утащил.

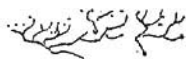
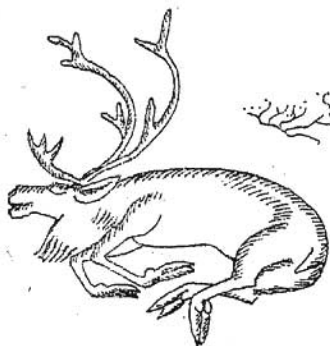
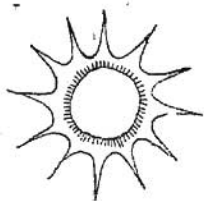
Литература:

1. Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974.— С. 209—351.

2. Чукотские народные сказки, мифы и предания. Магадан, 1982.

**ЮКАГИРСКИЕ
СКАЗКИ**

По юкагирским преданиям, юкагиров когда-то было так много, что их костры освещали всю тундру. От того времени на небе остался отсвет юкагирских костров — северное сияние. Якуты и русские старожилы северо-восточной Якутии до сих пор называют северное сияние «юкагирским огнем».

Там, где живут юкагиры, слишком много озер. И согласно их поверьям, озера — это места лежки мамонтов, равно как реки — следы их троп. Индигирские юкагиры называют мамонта «земляная корова». «Во времена, когда жили мамонты, — говорят они, — людей не было, земля диковала. Земля тогда была молодая, теплая, в тундре росли деревья. Потом она состарилась, и мамонты вымерли...»

Древний юкагирский народ имел свою «письменность» — это рисуночное письмо на бересте («письмо на коже дерева»), посредством которого они выражали свои мысли, чувства. Ученые склонны считать, что это была зародышевая иероглифическая письменность. В этих письмах на бересте содержались сведения об остановках в пути и наиболее важные сообщения. Знаки на бересте могли читать все: пламя означало костер, кружок — ночевку, человечек — кочевку...

По представлениям древних юкагиров, «все звери и птицы выступают в образе человека, и все они живут точно такой же жизнью, как и люди, каждая гора живет самостоятельной жизнью: горы влюбляются, женятся, охотятся.

Юкагиры наделяли животных человеческим разумом и полагали, что не могут их понимать. Поэтому, чтобы не выдать зверям и птицам своих промысловых секретов, юкагиры объяснялись друг с другом на специальном, «охотничьем» языке.

Превыше всего юкагиры почитали солнце — источник

тепла и жизни на земле. Они обращались к нему со словами: «Солнце-мать!»

К числу важнейших сил природы юкагиры, как и тунгусы, относили огонь: «Огонь-жизнь дает...» Верхнеколымские юкагиры представляли себе огонь в образе «бабушки», а тундровые — в образе «дедушки».

Не меньше, чем от огня, зависели юкагиры от воды. Когда по весне ломался лед, юкагирки Верхней Колымы просили: «Вода-мать, нам еды давай...» Вода являлась для юкагиров своего рода оракулом при выборе решения в затруднительной ситуации».

Об этом и о другом повествуется в юкагирском фольклоре.

Из книги В. Туголукова «Кто вы, юкагиры?»

ХАБАТА

Хабата — богач. Женат. Двоих детей имеет, сына и дочь. Сам очень богатый. Все у него есть: и олени, и всякая одежда. Сам не работает, так как на него работает множество батраков. Любил ездить по дальним и ближним богачам. Во время этих поездок узнал, что есть люди и побогаче его. И стал думать: «Каким образом еще разбогатеть?» Надо сказать, сам он был сневидцем. Раз он увидел сон. Будто бы один человек ему сказал:

— Ты сильно хочешь еще разбогатеть. То, через чего ты должен разбогатеть, находится в море. Если ты достигнешь его, всех ближних богачей догонишь по богатству.

Утром Хабата призадумался и решил: надо ехать. Старухе сказал:

— Приготовь мне еду на полгода, а также одежду на пять человек.

Позвал своих батраков. Поговорил с ними.

— На полгода поедем охотиться на север, — сказал он самому лучшему и молодому батраку. — Идите изловите хороших оленей. Нарты тоже возьмите.

Батраки пошли выполнять задание хозяина, а сам Хабата стал нагружать нарты пищей.

И вот поехали большим караваном.

У Хабаты была собака. Человеческую речь всю понимала. Хабата взял ее с собой.

Вот приблизились к морскому берегу.

— На море корма для оленей нет,— сказал Хабата батракам.— Поэтому здесь нарвем травы и ягель для корма на один месяц.

Закончив с этим делом, покочевали к морю. Затем покочевали по морю, к его середине. Там они вдруг нашли остров! Не голый остров, а растут деревья. Очень довольные находкой, остановились они на этом острове.

Некоторые недоумевают:

— Что это за остров? Иль обратно к земле вернулись?

Три батрака начали ставить шатер, а один пошел собирать дрова. И вдруг он позвал своего хозяина. Оказалось, там на дереве лежат огромного размера подстилки из сена! Взглянув на них, Хабата подумал: «Кажется, во сне увиденное начинает осуществляться».

День был туманный. Вдруг собака залаяла, почував что-то. И тут Хабата увидел весьма рослого человека.

— Спрячемся!— сказал он батраку.— Когда приблизится, выстрелишь.

Спрятались в плавнике. И вот великан приблизился. Батрак выстрелил из лука. В грудь великану попал. Тот повернулся назад и ушел. Хабата с батраком вернулись к своим.

— Запрягайте оленей, нагрузите нарты,— сказал Хабата батракам.— Мы приехали к нехорошим людям. Нас съедят. Поэтому уйдем отсюда. А пока вы приготавливайте, я один пойду посмотреть, что там имеется.

Взяв свою собаку, Хабата пошел в ту сторону, куда скрылся великан. Собаке приказал не лаять.

Оказывается, там было гора. У ее подножия стоял дом из дерева. Хабата пошел туда. Дверь дома огромная. Хабата решил войти, но не может открыть дверь. Тогда он стал стучать. Вдруг дверь открыла женщина. Хабата вошел.

— Садись,— сказала женщина.

Хабата видит, что она не одулка, не чукчанка, не эвенка,— в общем не разберешь. А между тем разговаривает на том же языке, что и Хабата.

— С какой стороны пришел?— спросила она.

— С юга приехал.

— Зачем здесь ходишь?

— Знакомлюсь с новыми краями. Ты здесь одна?

— Нет, нас много,— сказала женщина.— Люди мои спят, тихо разговаривай. Мой старший брат откуда-то весьма удивленный пришел. Что-то прилипло ему на грудь. С трудом то вытащили мы.

Потом она сказала:

— Оказывается, южные (со стороны тайги) люди низкорослые бывают. Мои же все высокие. Дай-ка посмотри твой нашейник, больно уж красив. Это из чего?

— Это нашейник, сшитый из беличьих хвостов.

— Не дашь мне свой нашейник?

— Ну дам, если дашь то, что я ищу.

— Что?

— Дай мне золото.

— Дам. Еще хочу что-то просить у тебя. Дай мне свою собаку.

— Если дашь золото, дам.

— Дам столько, сколько можешь поднять,— сказала женщина и три ящика положила перед Хабатой.

— Сам реши, сколько с собой возьмешь. Если сможешь поднять, все бери. Только вторично сюда не приходи, люди мои живым не оставят. Видишь, уже начинают просыпаться.

Вот Хабата взялся поднимать. Схватил самый большой ящик— даже, не сдвинул с места. Схватился за средний— не может поднять. И только самый маленький ящик поднял. Унес. Пришел к своим. Ящик положил в свою нарту. Что там в ящике, не сказал батракам.

— Давайте поехали, эти люди съедят,— сказал он.

Покочевали к своим краям. Приехали. Дома Хабата открыл ящик. До краев заполнен золотом! «Ну вот, некоторых богачей догоню!»— подумал он. Так Хабата еще больше разбогател.

Самый старший из батраков Хабаты имел двух сыновей. Младший из них был какой-то бесподобный: не то человек, не то что-то другое (с людьми по-человечески нормально не разговаривает). Иной раз как будто умнеет, иногда же становится непонятным. Старший сын батрака же вместе с отцом батрачит у Хабаты.

Вот отец этих ребят постарел. И вдруг тот (ненормальный) сын ему говорит:

— Отец, я тоже сон видел. Со мной человек разговаривал. Рассказать или нет, как-то стыдно, неудобно рассказывать.

— Сынок,— сказал отец,— никого нет, поэтому расскажи мне. Никому не расскажу.

— Человек мне сказал, что Хабата очень большой богат; что он потерял свой ящик с золотом; что Хабата всех оповестил о потере золота; что за того, кто найдет его золото, он выдаст свою дочь, а также подарит половину оленей и вещей. Вот что мне рассказал человек.

И действительно, спустя некоторое время распространился слух о потере золота Хабаты. Целый год искали тот ящик с золотом. И с помощью шаманов искали, не смогли найти. Однажды чудаковатый сын батрака отцу своему сказал:

— Очень хочу рассказать что-то тебе.

— Не стесняйся, расскажи,— сказал отец.

— Отец, люди не могут найти Хабатой потерянную вещь. А я вижу: она находится у одного человека, живущего отсюда вдалеке, на высоких горах. Только будет очень трудно взять у него тот ящик. Тебе придется меня отпустить. Где не пропадал парень, если суждено умереть — умру, если же нет — останусь жив.

— Ну, что ж,— сказал отец,— иди. О, как-то ты поедешь?

— С собой возьму сына Хабаты.

— Смотри сам, сынок,— сказал отец.

После этого парень пошел к Хабате.

— Кто это пришел?— удивленно спросил Хабата.

— Я сын твоего самого старого батрака.

— Зачем пришел?

Парень стоит у входа.

— С тобой поговорить пришел, дедушка,— сказал он.

— Ну... А что такое?

— Давно когда-то распространился большой слух о том, что потерялось у тебя золото. Нашлось ли оно?

— Не нашлось.

— Хочу идти на поиски того золота. Из-за этого вот сюда пришел.

— Ну, что ж, хотя бы попытайся. Если разыщешь, отдам половину своих оленей и вещей. А еще выдам тебе замуж дочь.

— Дедушка,— сказал парень,— я знаю, где находится то золото, только трудно его достать. Дай мне своего сына в напарники. Если умру, хоть скажет людям, что меня убили. Надо бы еще немного и подорожника для еды в дорогу.

Поехали. Ехали без привала до тех пор, пока олени их совсем не обессилили. И сами путники тоже устали. Остановились у подножия гольцов.

— Остановимся здесь,— сказал сын батрака,— человек, у которого спрятано золото, отсюда недалеко находится

Огнива и дров у них не было. Поэтому они питались сырой пищей. И вот однажды сын батрака сказал напарнику:

— Видишь, вон там на горе дверь? Сходи принеси огниво.

Сын Хабаты пошел к указанному месту. Потянул дверь — не поддается. Вернулся.

— Дверь не поддается, крепкая,— сказал он.

— Ну как же ты не смог открыть? Ведь ты старше меня! Ну ладно, схожу сам,— сказал сын батрака.

Пошел, вздернул. Разломал. А там сидит рослый человек.

— Что это такое?— удивился он.

— Я — человек,— ответил сын батрака.

Начали ругаться.

— Ко мне человек не ходит! Зачем пришел?!— сказал рослый.

— По своим надобностям пришел...

Начали драться. Сын батрака чем-то стукнул того по голове. Тот потерял сознание. Лежит, подергиваясь. Наконец пришел в себя.

— Как долго я спал!— сказал он.

— Да, тебя, пожалев немножко, усыпил. Ну, давай-ка еще поругаемся!

— Нет, хватит! Не хочу я ругаться.

— Если сейчас шевельнешься, начну драться, живым тебя не оставлю!

— Нет, я жить хочу. Рука твоя уж слишком тяжелая. Больше с тобой никогда не буду ссориться, не буду драться, уж слишком жить хочу. А ты действительно человек настоящего света?¹ Я же горный человек. Давай лучше по-хорошему поговорим. Пришел-то из-за чего?

— Я с тобой хорошенько поговорить пришел! Хочешь жить или умереть?

¹ Имеется в виду, очевидно, «не черного ли мира», то есть не черт ли.

— Хочу жить. Отчего обиделся?

— Ты украл наше золото, за этим я погнался,— сказал сын батрака.

— Да, я украл...

— Если хочешь остаться в живых, отдай похищенное! Но если не хочешь жить, не отдавай.

— Да отдам.

Сказав это, рослый человек откуда-то извлек ящик. Отдал сыну батрака. И тот вернулся к своему напарнику. А напарник от истощения умирает. Накормил его и увез в свои края, в свое стойбище. Прибыли. Сын батрака перед Хабатой поставил ящик с золотом.

Затем он женился на дочке Хабаты. Половину его оленей и вещей забрал себе. Так живут.

ДОРБУ

Дорбу лежит у себя дома. Лежит на спине и размышляет: «Интересно, кто нарек меня именем Дорбу?»

Сам он жил в лесу, оказывается. Вот вышел он из дому и сказал:

— Дорбу!

— Дорбу!— повторил большущий пень.

Пошел к этому пню. Рассердился.

— Ах, этот пень, оказывается, нарек меня именем Дорбу!— сказал он и стукнул пень.

Тут же рука прилипла к пню. Еще пуще рассердившись, Дорбу пнул пень — нога прилипла. Толкнул коленом — колено прилипло. Так прилипший стоит Дорбу. Завечерело. Наступила ночь. Тут явился черт.

— О радость-то какая!— воскликнул черт, подходя к пню.— Пасть моя наконец-то поймала Дорбу.

Схватил человека и засунул за пазуху. И пошел к себе домой. Пришел домой. Свою одежду снял на улице и повесил.

— Старушка,— сказал он жене,— вот Дорбу принес. Давай-ка полакомимся.

Жена его вышла из дому. Сунула руку в карман мужа — ничего нет.

— Что ты болтал? Ведь один съел, оказывается!— рассердилась она на мужа.

А Дорбу-то, оказывается, ножом продырявил карман черта и выпал.

Дорбу вернулся домой и опять полеживает. Вдруг слышит человеческие шаги. Это черт пришел.

— Выйди, Дорбу, съест тебя хочется,— сказал черт.

Схватил лежебоку, сунул в карман. И направился к своей старухе. Дорбу опять выпал из кармана. Сидит, даже лень идти домой. Через какое-то время к нему подъехал олений человек.

— Ты что здесь делаешь, Дорбу?— спросил он.

— Со мной не разговаривай. Вскоре мой дед должен прийти. Приведет мне невесту. Это жду с нетерпением.

— Возьми, Дорбу, всех моих оленей,— сказал тот.— А я вместо тебя посижу здесь.

— Ладно,— сказал Дорбу. Забрал оленей и уехал домой.

Человек сидит, с нетерпением ждет невесту. Вдруг приходит черт. Хватает человека и прячет в карман. Человек продырявил карман и выпал. Убежал.

Черт пришел к Дорбу. Зовет к себе. Дорбу подошел к черту. Черт его спрятал в карман. Дорбу опять продырявил карман. Опять выпал и спрятался. Видит — конный человек едет. Ведет за собой лошадей.

— Ты что здесь делаешь?— спросил конный.

— Вот скоро должен приехать мой дед. Приведет крылатого коня.

— Слушай, возьми себе всех моих лошадей с вещами и езжай. А я останусь вместо тебя.

— Ладно,— сказал Дорбу. Забрал лошадей и ускакал домой.

Пришел черт. Схватил человека, спрятал в карман. Тот выпал из кармана и убежал.

Вконец черт поссорился с женой и убил ее.

Вот опять идет черт на поиски Дорбу. А тот дома, как всегда, лежит.

— Дорбу выходи, съест тебя хочу,— сказал черт.

— Если так меня съест хочешь, заходи,— сказал Дорбу.

Черт землю копать начал. Копают, копают, не может войти в дом Дорбу. Только нос черта влез. Как только показался черт, Дорбу стукнул по нему. И убил черта. Все, на этом кончается. А Дорбу был, оказывается, мышкой.

ОЕНДЯ

Жили-были муж с женой. Одну дочку имели. Никто, кроме отца и матери, не знают ее имени. Вот девочка стала девушкой. Ей приглянулся один юноша. Горячо мечтает выйти замуж за него. Но сказать об этом прямо родителям стесняется. А отец с матерью не догадываются о страстном желании дочери стать женой одного юноши. Чтоб намекнуть родителям о своем желании, девушка в разговорах постоянно называла имя любимого, даже слагала песни о нем. Все же наконец отец догадался.

В те дни в стойбище, где жила эта семья, собралось много юношей из разных стойбищ. Всех их пригласили в один шатер. Посреди них сел отец девушки.

— Юноши! Кто назовет имя моей дочери, возьмет ее в жены!— объявил он.

Девушка была тут же, в шатре. Она, Оендя, тихо назвала свое имя любимому человеку и шепнула:

— Назови скорее.

Тот не расслышал.

Рядом с девушкой сидел один очень бедно одетый юноша. Он, счастливо улыбаясь, сказал:

— Я услышал, я услышал.

И назвал имя девушки. Девушка взглянула на этого юношу и от досады на виду у всех заплакала. Отец с матерью увели ее в свой шатер. Будущий ее муж поплелся за ними. Он был каким-то уж очень плохим, и вдобавок от него воняло чем-то очень тяжелым.

— Придется тебе пока заночевать в соседнем шатре,— сказали родители зятю.— Жену возьмешь завтра.

На другое утро юноша пришел за своей женой. Девушке совсем не хочется ехать с ним, но что поделаешь, слово надо сдержать.

Плача, она оделась и молодожены поехали в стойбище мужа. Доехали. Шатер у юноши оказался совсем худым, весь в латках и дырах. И внутри у него все бедно. Девушка опять заплакала. И легла вниз лицом. И так, всхлипывая, уснула.

Проснувшись на другое утро, видит, что она лежит на очень хорошей и просторной кровати. Удивилась. И шатер совсем не похож на вчерашний. Выглянула наружу через входную прорезь. А там танцуют люди. Один из них сразу понравился ей. «О, хоть бы он моим

мужем был»,— подумала он. Вдруг один из танцующих вышел из круга и направился в шатер, где находилась Оендя. Вошел. Подошел к ней. Около нее снял кукашку, малахай и повесил. Сам очень хорош собой!

— Вчера замуж я вышла за одного человека. Где, интересно, он сейчас?— спросила Оендя.

— Это я,— сказал юноша.

— Нет, не ты! Тот не такой!

— Это я. Вчера, нарочно в плохую одежду облачившись, приходил к вам.

Девушка, конечно, безмерно обрадовалась этому превращению мужа. Повеселела, расцвела, узнав, что вышла замуж за хорошего человека.

Вскоре они съездили к ее родителям. Те тоже весьма и весьма обрадовались, узнав, что их дочери попался хороший муж. В порыве наполнившей их душу радости они молодоженам подарили очень много вещей.

Молодожены вскоре стали очень богатыми людьми. Оендя народила много детей. Так жили.

СКАЗКА О ЗАЙЧОНКЕ

Жили старик со старухой. Зайчонка вместо ребенка воспитывали. Однажды сильно стали голодать и старик старухе сказал:

— Давай съедим зайчонка.

— А есть у нас ложки, миски?— спросила она.

— Истинную правду говоришь, старуха!— сказал старик и, взяв топор и инструмент для долбления, пошел в березовую опушку. Смастерил ложку и миску.

Как только старик вышел из дому, заяц сказал старухе:

— Бабушка, дай мне дедушкины торбаса.

— Не дам, а то убежишь.

— Не убегу, на улице буду кататься.

— Ладно,— сказала старушка и отдала зайцу торбаса старика.

Заяц катается на улице на бабушкиной доске для обделки шкур.

А старуха сидит шьет. И вздремнула. Зайчик взглянул на нее через дымовое отверстие. Видит— бабушка сидит с закрытыми глазами.

— Бабушка,— тихо позвал зайчик старуху. Та не откликнулась. Тогда зайчик убежал.

Старик наконец с готовой ложкой и миской вернулся домой. А перед самым приходом старика старушка проснулась. Стала искать зайчика и нигде не нашла. И вот она, опечаленная, сидит около шестка.

Старик зашел и, довольный собой, бросил ложки и миски на стол.

— Зачем принес, ведь зайчик убежал!— сказала старуха.

— Врешь!— говорит старик.— Одна, наверное, съела, поэтому так говоришь!

И, рассердившись, стал гоняться за своей старухой. Так, гоняясь за старухой, старик наступил на завязки старухиных торбасов. Так поймал ее и убил. Распорол ее живот — а там только наперсток. Оказывается, старуха, когда вздремнула, проглотила свой наперсток! Тут только опомнился старик и с горечью подумал: «Из-за чего я убил свою старуху!»

Ну что же делать? Подумал-подумал старик. Потом поднялся, вынес старуху на улицу, раскрыл ее рот так, чтобы она казалась улыбающейся. Старуха так и замерзла.

Затем старик нагрузил старуху на санки и пошел к ближним соседям. Дошел до них. Нарту со старухой поставил около входа. И зашел в шатер. А здесь жил старик со старухой. Двух дочерей они имели. Поели, попили. Спать собрались. Хозяин пошел закрывать дверь.

— Все ли дома или кто-нибудь еще остался на улице?— спросил он.

— Моя жена, стесняясь, не входит,— сказал старик гость.

— Приведите свою подругу,— сказал тогда хозяин своим дочерям.

Девушки вышли и тут же обратно зашли.

— Наша подруга упала,— сказали они. Услышав это, старик гость выбежал на улицу. И вскоре, плача, вернулся.

— Мою жену убили,— сказал он, слезы вытирая.

Хозяева испугались.

— Возьми в жены одну из моих дочерей,— сказал наконец хозяин.

Старик гость ничего не ответил.

Назавтра гость и дочка хозяина ушли. Доехали до дома давешнего старика гостя.

Прошла ночь. Утром старик, взяв топор, пошел в лес. Сделал ловушку. Хорошенько прикрыл свои следы и ушел домой.

Через несколько дней он пошел проверять ловушку. А там — зайчонок! Старик убил его. Принес домой. Отдал жене. Жена повесила зайчика, чтобы он растаял. А когда зайчик растаял, освежевала его. Сытно полакомились зайчиатиной. Жена высушила шкуру, уши тоже, лоб тоже. Из шкуры она сшила доху, из камусов — торбаса, из шкур ушей — рукавицы, а из шкуры лба — малахай. Вот такую пользу принес зайчонок.

ДЕВОЧКА

Это было очень давно, в те времена, когда на земле еще жили старинные люди.

Однажды дочь старинных людей пошла за ягодами. Ягод было так много, что девочка не заметила, как оказалась в совершенно незнакомой ей земле. Посматривает вокруг — ничего не может понять, все здесь незнакомо. А земля вокруг вся красная — так много было ягод.

Девочка пошла направо, думая, что на этой стороне находится ее дом. Идет-идет, вдруг видит, кто-то прошел, топчя ягоды. Пошла по этому следу. Вскоре она наткнулась на кем-то забытый малахай. Девочка радостно схватила малахай, думая, что кто-то есть поблизости и он поможет добраться ей до дома. Но оказалось, что это ее малахай. Тут девочка совсем растерялась и горька заплакала. В это время из-за туч выглянуло солнце Йэрпэйэ. Стало светло и тепло. Девочка обрадовалась и крикнула солнцу:

— Йэрпэйэ, подскажи, на какой стороне находится мой чум?

— Ягод еще много, поблуждай еще немножко, пусть это тебе будет хорошим уроком, не будешь терять впредь свою голову, — сказала Йэрпэйэ и, улыбаясь, добавило: — Чересчур не пугайся, не дам тебе замерзнуть, мои угли еще горячие.

Тут девочка впереди себя увидела озеро Йалгил. Побежала туда и спросила:

— Бабушка, на какой стороне находится мой чум?

— Поблуждай еще немножко, не будешь чересчур терять голову,— сказала Йалгил и тихо добавила:— Только слишком не пугайся, моя вода талая, без воды не останешься.

У озера была сопка. Девочка пошла туда.

— Дедушка,— сказала она.— Не знаешь, на какой стороне находится мой чум?

— Зачем так теряешь голову? Блуждай еще немножко. Если замерзнешь, в тени моих увалов разогреешься,— сказал Едома.

— Сукундава!— крикнула девочка туче наверх.— Скажи, на какой стороне находится мой чум?

— Мои дождевые капли еще теплые, не дам тебе замерзнуть. Блуждай еще немножко,— ответила ей туча Сукундава.

— Илийэ!— обратилась девочка к ветру.— Не знаешь, на какой стороне находится мой чум?

— Не дам замерзнуть тебе, попридержу свое холодное дыхание, так что еще блуждай немножко,— сказал ветер Илийэ.

Тут девочка опять заплакала. Горько заплакала; услышав ее плач, прискакал заяц Ойэгэ.

— Дом свой потеряла,— сказала девочка.

— О, бедная,— сказал Ойэгэ.— Во-о-н, видишь холм? За тем холмом находится твой дом.

Девочка плача направилась к тому холму. А навстречу ей песец Нявниклье.

— Отчего ты плачешь, негодная девочка?— спросил, усмехаясь, песец.

— Потеряла свой дом,— отвечает девочка.

— О, бедная! Впрочем, жалеть не буду, сама виновата! Зачем до такой степени теряешь голову!— пожурил песец и указал, в каком направлении надо идти.

Идет девочка и плачет. И вдруг ее останавливает медведь Хаичетхгэ.

— Отчего плачешь, внученька моя?— спрашивает медведь.

— Дом свой потеряла,— бормочет девочка.

— О бедная! Иди вот так,— сказал медведь и пожурил:— Нельзя же так до помрачения ума есть Богом данную пищу.

Тут же девочка заплакала навзрыд. Долго так плакала и вдруг поняла, что все это происходило во сне. Она лежала на полянке среди ягоды. Дом ее виднелся невдалеке, прямо перед ней.

С тех пор люди говорят: «У того, кто без меры, увлекаясь, начинает думать о чем-нибудь одном, все другие его мысли могут совсем уснуть».

ОДИНОКИЙ АДЛ

Когда-то, много-много лет тому назад, один Адл вдруг понял, что он человек. Он не знал ни отца, ни матери, ни своего имени. Не знал он и о том, как попал в эти края, как оказался при нем этот его чум, этот его лук и стрелы. Не знал, не ведал и о том, понимает ли кто-нибудь его язык и, вообще, есть ли под этим высоким небом хоть одно подобное ему существо.

Он очень хотел найти кого-нибудь, который понимал бы его язык, который вместе с ним ходил бы на охоту, рассказывал о том, как и откуда появились все эти озера и реки, звери и птицы. Наконец, он очень хотел узнать, откуда он появился, есть ли у него отец и мать, ведь даже у зверей есть и отец и мать, значит, и у него тоже должны быть родители.

Все эти мысли не давали покоя Адлу. Они, эти мысли, были, как комары, часто щекотали его голову, и чтоб этот невыносимый зуд прошел, он бегал по близлежащим холмам и горам. Но вокруг было пусто, на его пути встречались только четвероногие звери да существа, имеющие крылья. У Адла было ружье. Оно выстреливало стрелой, издавая при этом громкий шум.

Однажды он пошел на охоту. Вскоре он увидел огромного самца Талау. Подкрался к нему, выстрелил и убил. Быстро снял с него шкуру, вытащил внутренности, разделал тушу. И вдруг откуда-то сверху пение раздалось, пела женщина.

Милый человечек!
Кинь мне, пожалуйста,
Кусочек сингаа¹.

¹ Сингаа — кишка, наполненная внутренним жиром.

Я бы тогда
Немножко поела,—

говорилося в песне.

Юноша, ни слова не говоря, выдернул сингаа и кинул наверх. Она тут же исчезла в облаках. Юноша не стал удивляться, положил мясо в сумы и понес домой.

На другой день юноша опять пошел на охоту. И снова ему попался огромный Талау. Убил его, содрал шкуру, вытащил его внутренности, разделал тушу. Тут опять сверху послышалось пение:

Милый человечек!
Кинь мне, пожалуйста,
Кусочек мяса.
Я бы тогда
Опять поела.

Юноша вырезал жирный кусок мяса и кинул наверх. Он тут же исчез в облаках. Юноша не стал удивляться, положил мясо в сумы и понес домой.

«Теперь у меня мяса много, хватит надолго,— подумал юноша вечером.— Завтра еще разок схожу на охоту и прекращу охотиться. Хозяйка Земли может обидеться, если слишком много ее детей истреблю».

Назавтра снова добыл он дикого оленя. Когда кончил разделять тушу, опять раздалось пение:

Милый человечек!
Это я опять пою.
А сама-то я — девушка.
Желая стать твоей женой,
Прихожу к тебе.

И тут перед юношей возникла белолицая красивая девушка, от взгляда которой сердце Адила стало прыгать, как олененок, увидевший свою мать.

— О! — только и мог вскрикнуть поэтому Адил.

Оказывается, это была дочь Верхнего мира. Она народила множество мальчиков и девочек. Из них выросли сильные и ловкие охотники, настоящие юкагиры. А девочки превратились в таких девушек, от одного взгляда которых все вокруг теплело, становилось красивым.

ПОЧЕМУ СПИНА РОСОМАХИ ЧЕРНАЯ

Встретились лиса и медведь. Медведь большущий, лиса малюсенькая.

Лиса смотрит на медведя восхищенными глазами — такой здоровый, сильный! Наверное, никого не боится!

— Дед, ты кого-нибудь боишься на этой земле? — спрашивает она.

— Боюсь, — отвечает медведь.

— А кого?

— Куропатку...

— Как?! — недоумевает лиса. — Ведь она такая маленькая!

— Очень уж внезапно вылетает из-под самых ног! Так пугает, что чуть сердце у меня не разрывается.

— А я ее не боюсь, — говорит лиса. — Я ее, если поймаю, ем. Вот человека, вот его я боюсь.

— Я человека не боюсь, — сказал медведь спокойно и уверенно. — Зачем мне его бояться?! Я их ем — все равно как ягоду.

Лиса так и этак посматривает в глаза медведя — не разыгрывает ли он. Но медведь сидит спокойно, пожевывая что-то.

«Ну ладно, — думает лиса. — Посмотрим, как ты будешь их есть!» Подумав так, она сказала:

— Дед, а я недавно во-он там много ягод видела. Пойдем туда!

— Ладно, пойдем, — сказал медведь и пошел за лисой.

Лиса побежала быстро, медведь идет не спеша по ее следу.

Лиса прибежала к человеку и говорит:

— Я к тебе медведя веду, поджидай здесь.

Человек стал поджидать медведя, держа наготове лук со стрелой. А лиса прискакала к медведю и сказала негромко:

— Во-он там найдешь ягоду.

Медведь пошел туда, а лиса спряталась и наблюдает за ним. Идет-идет медведь и вдруг что-то больно ударило в брюхо — это стрела человека попала в него.

Медведь схватился за живот и побежал назад, тяжело постанывая. А навстречу — лиса.

— Дед, что с тобой?

— Что-то живот разболелся,— сказал с трудом медведь и пошел дальше, к себе домой.

Дома ему совсем плохо стало — вот-вот умрет. Елеле окликнул своих детишек и сказал:

— Дядю позовите.

Дети побежали и вскоре к умирающему отцу привели росомаху.

— Вот умираю. Попытайся вернуть меня к жизни, покамлай...

Росомаха начал шаманить, прыгать вокруг очага. Прыгая так, он заметил сало, торчащее из раны медведя. И тут, вместо того чтобы спасти умирающего, он начал есть это сало!

Медведь стал задыхаться.

— О, детишки мои! Совсем темно становится в глазах!— крикнул он из последних сил и в предсмертных судорогах случайно задел росомаху лапой. Тот отлетел прямо в горящий очаг! Так ему и надо!

Росомаха с горячей спиной выскочил из дома медведя, покатался по земле, туша огонь, и с диким воплем бросился к себе домой.

Никогда он в жизни не знал такой страшной боли!

Дома матушка стала лечить его: вырезала кусок продымленной замши, покрыла им обожженное место и зашила.

Вот с тех пор спина росомахи стала черной.

ДВА БРАТА

Жили два брата. Они краешком ума помнили, что у них были отец и мать, другие взрослые люди. Но куда они подевались, они не знали.

Каждое утро они уходили из дому. Они хотели узнать, нет ли поблизости кого-либо, подобных им. Они взбирались на высокие холмы и горы, обегали широкие равнины, переправлялись через большие и малые реки, но нигде не было даже признаков человеческого жилья.

Братья были удачливыми охотниками. Но диких оленей добывали только на еду и одежду — лишнего не убивали. А других зверей и птиц не трогали, поэтому некоторые из них даже подружились с братьями.

Со временем братья стали сильными, ловкими, быстроногими юношами. Сейчас уже не надо было им подкрадываться к диким оленям, чтоб подстрелить их из лука. Теперь они, догнав оленя, хватали за рога, роняли на землю и закалывали. Так и жили.

Но вот однажды на своем пути братья заметили два белых чума. Подошли к ним, посоветовались и зашли в разные чумы.

Когда через некоторое время они опять встретились, старший брат спросил:

— Что ты видел в чуме?

— Красивую девушку! Девушку с очень красивыми глазами! А ты?

— Я тоже красивую девушку видел! Белую, как луна, девушку!

— Что будем делать?

— Не знаю... Если б они согласились дружить с нами, то наша жизнь стала бы светлей и веселей.

— Мои мысли тоже так говорят. Давай еще раз зайдём к ним и поговорим, может, согласятся с нами дружить.

Сказано — сделано: братья опять зашли в чум. Через некоторое время они встретились в условленном месте.

— Ну, что сказала твоя девушка? — спросил старший брат.

— Она сказала, что у нее есть старший брат. Сейчас он находится где-то на охоте.

— Моя тоже так сказала. Оказывается, без его ведома они ничего не делают.

— Давай пойдем искать их брата!

— Давай!

Сказано — сделано: юноши побежали искать брата этих девушек.

Искали день, искали два дня, на многие холмы и горы взбирались, много больших и малых рек пересекли, много широких равнин обошли, но нигде не могут найти того охотника.

На третий день они решили вернуться к девушкам — может, в это время уже вернулся их брат с охоты? Но там, где были чумы, чернели только потухшие очаги. Стали искать их следы, нигде даже трава не помята.

Сели юноши и призадумались. Думали, думали, ни-

чего не придумали, ни одной мысли не пришло на помощь.

— Что будем делать?— спросил младший брат, когда солнце начало скатываться вниз.

— Пойдем куда глаза глядят, куда понесут ноги.

Так и сделали.

Идут-идут братья — в незнакомые места пришли. И вдруг вдали три чума виднеются. Один большой, два других маленьких.

Подойдя к чумам, братья сразу узнали чумы своих девушек. И зашли туда. Но девушки на этот раз повели себя совсем по-другому — они схватили деревянные палки с загнутыми концами для подвешивания котлов и чайников над очагами и ими стали выталкивать юношей из чума.

Братья очень удивились такой перемене поведения девушек и пошли к большому чуму.

Потянули дверь чума — не поддается.

Тогда они стали колотить дверь палкой — никто не отзывается. И вдруг кто-то громко чихнул внутри чума, а затем раздался голос людоеда.

— О-о, хорошо, что печенки сами себя привели! Вот полакомлюсь-то!

Братья бросились прочь от чума. Людоед погнался за ними.

Братья были быстрыми бегунами, но людоед не отставал — юноши все время слышали его близкое дыхание за спиной.

Так бежали очень долго. Старший брат начал отставать, и в это время людоед даже схватил его за кафтан сзади. Юноша из последних сил вырвался от него, и у людоеда в руках остался лишь оторванный край кафтана.

Тем временем людоед остановился, очевидно, он рассматривал свою добычу. Но потом громко вскрикнул обиженным голосом: «А-а-а!!!» — и опять бросился вдогонку за братьями.

Тут старший брат, бежавший сзади младшего, запел так:

Мой младший братишка!
Побежишь по краю
Впереди нас лежащей
Болотистой поляны,

А вдруг чайки
Начнут заслонять
Глазищи
Этого железного чудовища!

Младший брат сделал так, как попросил старший,—
побежал по краю поляны. Старший брат опять запел,
на этот раз обращаясь к чайкам:

Чайки!
Давайте постарайтесь показать
Все, чем вы сильны!
Людоед за нами гонится,
Желая нас съест!

Услыхав это, чайки бросились на людоеда и стали
нападать на него. Пока тот отбивался от чаек, братья
ушли от преследователя.

Наконец людоеду надоели чайки и он пронзительно
вскрикнул. Чайки все, распластав крылья, попадали на
землю.

Людоед опять погнался за братьями.

Опять побежали долго, перепрыгивая множество
больших и маленьких рек, взбираясь на холмы и невы-
сокие горы.

Старший брат опять начал отставать и запел так:

Мой младший братишка!
Побежишь по краю
Впереди нас стоящей
Большой сопки.
Соколы и канюки,
Может, начнут заслонять
Глазищи
Этого железного чудовища!

Младший брат сделал так, как попросил старший.
Когда они поднялись по краю сопки, старший брат
опять запел:

Соколы, канюки!
Вот сейчас съест нас
То огромное
Железное чудовище!
Задержите как-нибудь
Его ненадолго,
Пока мы выдохнем
Застрявщее в нас дыхание!

Услышав это, канюки и соколы бросились на людоеда, острыми когтями стали бить его, не дают ему даже открыть глаза. Пока чудище отбивалось, братья пошли замедленным, спокойным бегом. И опять восстановили силы.

Наконец людоеду надоели наседавшие на него птицы и он громко рявкнул. Канюки и соколы, распластав крылья, попадали на землю.

Людоед опять погнался за братьями. Опять бежали долго, перепрыгивая реки, переваливая через высокие холмы и горы.

Старший брат опять начал тяжело дышать, снова дыхание стало спирать. И он запел:

Мой младший братишка!
Видишь, во-он впереди
Орлы, наши дедушки,
Летают, не так ли?
Беги туда,
Может быть, ненадолго
Они задержат
Это железное чудище!

И действительно, увидев людоеда, орлы бросились на него. Бьют его по голове огромными когтями, не дают ему шагу сделать.

Людоед долго отбивался от орлов. Наконец надоели ему орлы и он страшно завопил. Орлы, распластав крылья, попадали на землю.

И опять людоед бросился за братьями. Теперь он гнался, все время покрикивая:

— Не уйдете! Ваши печенки все равно выдавлю!

Тут, откуда ни возьмись, на людоеда набросились медведи. Грызут его ноги, руки. А чудище раскидывает их туда-сюда, не дает им свалить себя. Наконец чудище заревело так, что задрожала земля. Медведи все упали в обморок.

Увидев это, старший брат сказал меньшому:

— Вот и все. Нет у меня слов больше. Поднимемся вон на тот одиноко стоящий курганообразный холм, сядем лицом к нему.

Когда братья, поднявшись на холм, сели на землю, людоед уже настигал их. Но как только юноши сели, он остановился, топнул ногой о землю и превратился в юношу.

— О, вы, оказывается, добрые молодцы! Умеете очень многое!— сказал он, вытирая капли пота со лба.— Ваше умение выше даже, чем у меня.

— А почему ты так нас мучил?— спросили братья, удивленные чудесным превращением людоеда в своего сверстника.

— Это я проверял вас,— сказал он и рассказал наказ своих родителей.

Оказывается, у него есть зять, муж старшей сестры. От лени он даже на охоту не ходил, все время лежал в постели. Юноша и для них добывал оленей, поэтому долго пропадал. И вот родители, перед смертью, оказывается, дали наказ— не выдавать сестер замуж за кого попало, чтобы не мучились они, как старшая сестра.

СТАРИК СЭМТЭНЭЙ

Жил да был старик Сэмтэнэй. Жил со своей старухой. И был у него один огромный кобель.

Сэмтэнэй ставил пасти, и туда попадались только зайцы. Старуха обдирала шкуры зайцев, а затем отделяла сухожилия от мяса и сушила. Когда высыхали сухожилия, она их сучила. И получались нитки. Из них Сэмтэнэй начал делать силки и ставить на куропаток.

Сэмтэнэй каждый день ходил проверять свои силки и пасти. Теперь он приносил не только зайцев, но и куропаток.

Работы прибавилось и у старухи. Она стала дробить кости и варить, получала много жира. Его она замораживала в плоской посуде и клала на лабаз.

Жили они так, жили. Хорошо жили. Не могли жаловаться на свой богатый куропатками и зайцами ивняк. И так жили бы да жили, но с какого-то времени ивняк начал скупно давать живность. А потом вовсе перестал давать куропаток и зайцев.

— Давай перекочем,— сказал тогда Сэмтэнэй,— пощем другой ивняк.

У старика были санки. Из тальника изготовленные санки. На эти санки положили разобранный тордох, жерди чума. И тронулись в путь.

Шли они, шли целый день, подыскивая хороший ивняк.

И вот они облюбовали одно место и поставили там тордох. Попили-поели. И тут обнаружили, что последнюю чашу с жиром забыли на прежней стоянке. Что же делать, не возвращаться же назад на ночь глядя; поругал старик старуху за такую забывчивость и пошел ставить силки и пасти.

На другой день Сэмтэнэй пошел проверять силки — ничего нет. Вернулся к старухе с пустыми руками.

— Пойду-ка за жиром, — сказал старик и пошел, таща свои санки.

Вот дошел до лабаза. Положил чашу с жиром на санки и повернул обратно.

Идет, идет по своему следу, поругивая свою старость. «Если бы я был молодой, разве из-за одной чаши возвращался на прежнюю стоянку! Лучше бы подстрелил дикого оленя и притащил самые вкусные его части старухе!» — думал он, еле передвигая состарившиеся, ослабевшие ноги.

И вдруг, откуда ни возьмись, раздался человеческий голос:

— Дедушка, тебе тяжело, да?

— Не-е-т, — сказал старик, оборачиваясь на голос.

Оказывается, это песец говорил по-человечески. Он был худой, видно было, что давно сытно не ел.

— Давай тебе помогу.

— Ладно.

— Только ремень на шее туго не привязывай.

Старик накинул ему ремень на шею.

Вот вдвоем пошли, таща санки. Старик идет впереди, а песец позади идет. Когда Сэмтэнэй шел, песец взбирался на санки и грыз жир. Когда же старик оборачивался, песец быстренько соскакивал с санок и, высунув язык, делал вид, что старательно тащит, вот-вот упадет от изнеможения.

Но только старик отворачивался, тут же взбирался на санки и в большой спешке начинал грызть жир. Да так перестарался, что отломил себе передний зуб.

Когда жира в чаше не стало, песец остановил старика и сказал:

— Ну, дедушка, теперь меня отпусти, совсем недалеко осталось до твоего дома.

Старик отпустил песца и сказал:

— Спасибо! Крепко ты мне подсобил, сильно помог!

Вот наконец добрался до дома старик Сэмтэнэй. Зашел в тордох, сел и велел занести чашу с жиром.

Старуха что-то шила. Бросила свое шитье и радостно выбежала из тордоха. Но вскоре медленно зашла, держа пустую чашу.

— А жира-то нет... только зуб лежит.

Старик не поверил, схватил чашу. А там только зуб лежит. И сразу догадался, что это зуб давешнего псеца, что он жестоко обманул его. Только сказал:

— Эх, окаянный! Это псец съел, оказывается!

— Ну ладно,— сказала старуха.— Иди проверь силки и пасти, может, что-нибудь попало.

Силки стояли пустые. Даже следов куропаток не было поблизости.

Тогда старик пошел к своим пастям. Они тоже были пустые. «Что ж мне делать?— подумал старик, стоя возле одной своей пасти.— Меня никто еще не обманывал. А вот этот псец обманул. Очень обидел меня».

Потом он вслух сказал самому себе:

— Прочучь этого обманщика.

С этими словами он вытащил стрелу, прорезал ею свои штаны и, постанывая, стал кричать:

— Ра-рара!

На его крик прибежал псец и спросил:

— Что с тобой, дедушка?

— Попался в свою пасть, вот ногу искалечил. Помоги мне, позови зверей, шамана тоже приведи.

— У нас, псецов, нет шамана. Разве только заячьего шамана приведу.

— Приведи-приведи, лишь бы был шаман.

Псец побежал зверей звать.

Вскоре к старику прибежали псецы и зайцы. Схватили Сэмтэнэя со всех сторон и притащили его домой.

Старушка испугалась и спрашивает старика:

— Что с тобой случилось?

— Да вот покалечился из-за своей пасти. Думаю, не умер, сейчас заячий шаман поможет мне.

Вот начал камлать заячий шаман. Прыгает вокруг потухшего очага и приговаривает:

Худиз-худиз!

Дух стрелы Сэмтэнэя

Еще не нашелся!
Худиэ-худиэ!
Почему это
Не хочет обнаружиться
Дух стрелы Сэмтэнэя?!

Старик лежал и постанывал. Зайцы и песцы сидели по левой стороне тордоха. Старуха сидела у ног старика.

Старик, прекратив стоны, шепнул старухе:

— Закрой хорошенько дверь. Ра-рара!

Тут к старухе прибежал один песец и спрашивает у нее:

— Бабушка, а бабушка! Что сказал дедушка?

— Да не-ет. Это он в забытьи что-то болтает,

А заячий шаман все прыгает, приговаривая:

Худиэ-худиэ!
Дух стрелы Сэмтэнэя
Еще не нашелся!
Почему это
Не хочет обнаружиться
Дух стрелы Сэмтэнэя?!

Старик опять шепчет старухе:

— Старуха, положи возле меня свою деревянную палку для подвешивания котла и чайника. Ра-рара!

Тут песец опять:

— Бабушка, а бабушка! Что это он сказал, дед-то?

— Да умирает, бедный... в забытьи он это болтает...

Старик приметил этого любопытного песца, но тот ли он обманщик — сказать было еще трудно. «Вот если бы заставить его раскрыть рот, — подумал он, — тогда другое дело. А так и совсем невинного можно убить».

Подумав так, Сэмтэнэй неожиданно для всех сел и сказал шаману:

— Спасибо! Ты меня вылечил! Вот увидите, я сейчас встану.

С этими словами старик поднялся на ноги, сделал несколько шагов и даже подпрыгнул.

— Видите, я совсем выздоровел! Теперь я сам покамлаю, заячьего шамана буду благодарить. Но надо мне сначала выйти на улицу, надеть свою шаманскую одежду.

Сэмтэнэй вышел из тордоха, надел другую одежду. В свои штаны напихал сухого мха и в нескольких местах проткнул их ножом.

А песец — старухе:

— Бабушка, а, бабушка! А зачем ты положила свою деревянную палку для котла у ног дедушки?

— Э-э, я ведь тоже ум потеряла из-за старика и не знаю, что делаю.

В это время зашел старик и сразу начал камлать:

Кокой-кокой хоньо-хой!
Мой друг, моя половина,
Хорошенько закроет дверь!

Старуха догадалась и плотно закрыла дверь. Увидев это, давешний песец сел поближе к двери.

Меж тем старик входил в раж — неистово мотая лохматой головой и покрикивая на разный лад, начал прыгать вокруг очага. Да так запрыгал, что мох стал сыпаться через дыры штанов.

Тут все сидящие громко засмеялись, захохотали, широко раскрыв рот. Только песец у дверей странно смеялся, прикрывая лапой верхнюю часть своей пасти:

— Си-сиси!

Теперь старик не сомневался — обманщик сидел у входа.

Он схватил палку для подвешивания чайника и стал бить того песца. Тот бросился в гущу других зверей. Старик — за ним.

Через некоторое время песец лежал бездыханный. Рядом с ним лежали еще несколько зверей — эти под палку Сэмтэнэя попали, когда обманщик прятался за них. Многие же, в том числе и заячий шаман, убежали, выскочив под нижний край покрывала тордоха.

— Ну давай, старуха, отвори дверь. Кажется, обманщика убил я, — сказал Сэмтэнэй.

Но беззубый песец был жив, он только притворился, что мертв. И как только старуха открыла дверь, он выскочил наружу.

Старик выбежал за ним. Отпустил с привязи свою собаку. Та бросилась за песцом.

Старик пошел по их следам, держа в руках топорик.

Песец между тем прискакал в заброшенную нору и мигом влетёл в нее.

Когда старик доковылял до норы, собака уже копала нору. Старик тоже начал копать топором.

Копали долго. Уже начало смеркаться.

Тут до старика донесся из-под земли стон. Затем, сквозь стон, послышались тихие слова:

— Дедушка, зачем ломаешь мой дом? Я нахожусь при смерти... да и полуслепой я, давно света ясного не вижу.

Стон был тяжелый, непрерывный.

Старик прекратил копать и сказал:

— Я это... пришел за песцом-обманщиком. А где он?

— Не знаю, дедушка. Откуда мне знать-то?!

С этими словами песец начал сыпать песок в глаза. Всыпал так, что слезы стали течь по щекам.

— Дедушка, коли не веришь мне, погляди на меня,— сказал песец сквозь стоны и высунул морду. И правда, песец с красными от песка глазами был похож на несчастного больного.

— Этуу! Дом больного портил, оказывается!— сказал виновато Сэптэнэй и, обращаясь к своей собаке, добавил:— Что же поделаешь, пойдем домой.

Когда они отошли далеко, сзади раздался крик:

— Стари-ик! Сэптэнэ-эй! Меня ты не уби-и-ил! Это я твой жир съе-ел!

— Фу ты!— только и сказал старик, глядя на удаляющегося песка.

Уже затемно он добрался до своей старушки. Та трудилась в поте лица — освеживывала туши животных.

Говорят, с тех пор старик со старухой опять стали жить сытно. Может, и до сих пор живут.

Еще говорят, обман живуч потому, что может рядиться в самые различные облачения.

Литература:

1. Иохельсон В. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. СПб, 1900.— Ч. 1.
2. Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л., 1982.
3. Лунное лицо: Сказки юкагиров. Якутск, 1992.
4. Сказки и предания Севера. Якутск, 1986.

5. Фольклор юкагиров Верхней Колымы: В 2 ч. Якутск, 1989.

6. Юкагиры: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.

ЭВЕНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Древние исторические документы донесли до наших дней сведения о том, что предки эвенов некогда представляли собой очень могущественный и цивилизованный народ и были известны уже в первом тысячелетии нашей эры.

Любопытно, что в начале XX века у эвенов существовала зачаточная форма письменности в виде знаков-рисунков на бересте, и, как полагают ученые, такие знаки, совершенствуясь, со временем могли бы превратиться в письменность.

Несомненно, народ с такой древней культурой выработал целый свод этикета, который говорит нам о том, что у эвенов, как и у других народов Крайнего Севера, была чрезвычайно развита церемония поклонения предкам и духам-покровителям, которыми они считали в древности Небо, Солнце, Луну, Землю, Воду, священных животных и птиц...

Не имея письменной истории, эвены сохранили все это и донесли до наших дней в своем фольклоре, в сказках, мифах, легендах...

В эвенских легендах много фантазии и вымысла. В них в большей степени, чем в других видах устного творчества, нашли отражение суеверные представления предков эвенов об окружающей природе. В легендах всегда говорится о чем-то необычном, а иногда и страшном (о злых духах, ведьмах, воскресших покойниках и различных неправдоподобных происшествиях). В некоторых из них сообщается нечто такое, что, по словам рассказчиков, случилось якобы когда-то на самом деле, но не в наши дни, а в глубокую старину. Например, легенда «Медведь». Известно, что в древности эвены с особым почтением относились к медведю. Когда охотники находили его берлогу, то, прежде чем спугнуть его, они разговаривали с ним и просили не пу-

гать их. Считалось, что медведь дал эвенкам оленей и все, что связано с обработкой оленьего сырья, завещал людям ритуал охоты, освежевания, трапезы и захоронения медведя. Он наложил запрет на поедание определенных частей тела медведя для женщин. Вот почему по сей день старшее поколение знает и помнит все обычаи, связанные с медведем. Об этом и повествуется в легенде «Медведь».

Есть у эвенов и легенды, связанные с представлениями о какой-нибудь горе, реке, камне, утесе, ключе, озере и т. д. В таких легендах даются нередко объяснения различных географических названий («Женский ключик»).

Эвенские легенды по своим сюжетам во многом схожи с легендами других народов Крайнего Севера, но особенно народов Приамурья, согласно которым все эти народы родились от дерева, а некоторые из них даже от одной ветки.

ЖЕНСКИЙ КЛЮЧИК

Однажды эвены, кочуя по тайге, остановились на большой поляне. В стороне от этой поляны находилась большая гора Онмай, а с другой стороны текла река Уега¹. Эвены здесь жили несколько дней. Среди них была одна женщина. И вот эта женщина решила подняться на гору и оттуда скатиться на лыжах.

— Давайте кататься на лыжах с горы,— говорит она парням.

— Гора очень большая, страшно, разве можно с нее кататься,— отвечают они женщине.

— Что вы за мужчины, коли боитесь горы!

— Ну, попробуй-ка, скатись-ка! — говорит тогда один из парней.— Ты погибнешь. Мы не хотим умирать.

Женщина рассердилась, пошла к горе, поднялась на вершину. По дороге вырвала с корнями большую березу. Вот она остановилась на вершине. А потом стала

¹ Уега — правый приток реки Охоты, впадающей в Охотское море.

опускаться с горы, тормозя вырванной березой. От этого на склоне горы оставались глубокие царапины. И так она опускалась к подошве горы, все время тормозя березой. У подошвы горы береза ушла глубоко в землю. Женщина стала падать. Но чтобы удержаться, она с разбегу перепрыгнула реку Уегу и остановилась на холме, превратившись в камень.

Наступила весна. Начал таять снег. Вода стала сбегать с горы по бороздам, которые оставила береза на склоне горы. Во время дождя воды стало еще больше, борозды углубились, а затем образовался настоящий ключик.

Эвены назвали это место Женским ключиком.

ТЫЛКЭН И ДОЛДАН

Жили в одном стойбище два брата. Имя одного — Тылкэн, а другого — Долдан. Оба были очень сильные и смелые. Особенно силен был Долдан. Кроме того, он обладал способностью слышать на большом расстоянии.

По соседству с ними жили люди из другого рода. Главой этого рода был Кагынкан.

Когда Тылкэн и Долдан были еще маленькие, Кагынкан услышал от людей о их силе и ловкости. Боясь, что они, когда подрастут, могут убить его, Кагынкан решил их уничтожить. Он запер их в большом железном доме, подобном огромному котлу.

Братья быстро подрастали, приподняли огромный дом-котел и вышли из него.

Они решили отомстить Кагынкану. Подбили свои лыжи камусом¹ и поехали в стойбище к Кагынкану.

Долго они ехали. Тылкэн говорит Долдану:

— Брат, послушай, что говорят люди Кагынкана.

Долдан приложил ухо к земле, послушал и говорит:

— Люди Кагынкана совещаются, как найти и убить нас.

¹ Для облегчения спуска и подъема лыжи подбиваются камусом — шкурой с ног оленя или шкурой морского зверя.

Еще день шли и все еще не дошли до стойбища.

Долдан опять прислушался и сказал:

— Брат, Кагынкан уже почувал, что мы к нему отправились. Он уже готовит своих силачей. А у него их много.

Они опять двинулись в путь. Идут все время рядом. День идет, ночь идет... Тылкэн устал, отставать стал. Долдан впереди идет.

Наконец дошли до поляны, на которой были расположены землянки людей Кагынкана. А посреди землянок стояла огромная землянка¹ — дом Кагынкана. По поляне бегают слуги Кагынкана, играют и что-то кричат.

Заметили они пришельцев и стали кричать:

— Кагынкан, к нам пришли какие-то люди!

Тылкэн и Долдан сняли свои лыжи и направились к землянке. Кагынкан вышел им навстречу и сказал:

— Хочу я испытать вас в силе и ловкости. Не примете ли вы участие в нашей игре?

— Какой игре? — спрашивают братья.

— Сейчас мы будем кататься с горы. А гора эта очень высокая, — отвечает Кагынкан.

— Ну что ж! Давайте поиграем! — ответил Долдан.

Кагынкан позвал одного из своих людей — Отлэчену.

Отлэчен, Долдан и Тылкэн отправились к горе, чтобы с нее скатиться на лыжах.

Пришли к большому отвесному месту, расположенному за селением. Все трое поднялись на вершину скала. По всему скату были расставлены ножи остриями вверх. А между ножами идет лыжня. По лыжне нужно было спуститься так, чтобы не задеть ножей.

— Сначала ты скатись, — говорит Долдан Отлэчену, — а потом и мы вслед за тобой. Мы у тебя поучимся.

— Я-то скачусь! — отвечает Отлэчен.

Покатился он с вершины горы, достиг середины — все благополучно. Но потом лыжи свернули с лыжни, и он наткнулся на нож.

¹ В старину безоленные эвены, не имевшие возможности кочевать, жили в землянках. Поселения из землянок располагались у больших рек или на берегу моря, так как безоленные эвены занимались рыболовством и охотой на морских зверей.

— Вот тебе! — крикнул Долдан. — Не хвастайся!
Опять отправился Долдан вместе с братом к дому Кагынкана.

А Кагынкан сидит и ждет их. Узнав, что Отлэчен наткнулся на нож, он позвал другого своего силача — Улькини.

— Теперь померяйтесь с ним ловкостью, — сказал Кагынкан братьям.

Улькини был мастером прыгать по верхушкам деревьев.

Внизу под деревьями, по которым должны были прыгать соревнующиеся, расставили очень много острых предметов.

— Сначала ты будешь прыгать, — говорит Долдан Улькини, — а потом уж и я. Я тем временем у тебя поучусь.

Улькини был уверен в себе. Влез он на дерево и стал ловко прыгать с одного дерева на другое. Но вот не рассчитал Улькини, промахнулся и, не допрыгнув до дерева, упал на что-то острое.

Удивился Кагынкан. Опять Долдан с братом целы и невредимы остались. Зовут он тогда Муктурдука.

Пришел Муктурдук. Смотрит Долдан на него и видит — действительно очень сильный человек.

Но Долдан тоже был сильный.

— Ну, что ж, поборемся! — сказал он, смеясь.

А бороться они должны были на краю огромной ямы.

Пришли они к месту борьбы. Заглянул Долдан в яму, а там, на дне, острием вверх множество ножей торчит. Однако Долдан не испугался.

Схватились два силача. Стали бороться. Долдан тогда и говорит:

— Муктурдук, сначала ты меня тряхни. Попробуй столкнуть меня в яму.

Муктурдук тряхнул Долдана. Долдан твердо удержался на ногах, устоял и не упал.

— Теперь я тебя тряхну, — сказал Долдан Муктурдуку. А про себя подумал: «Будешь ты лежать сейчас на дне ямы».

Трахнул Долдан своего соперника, да так, что Муктурдук упал вниз, прямо на ножи.

Пришли опять братья к Кагынкану.

А он уже приказывает своим людям:

— Идите позовите Дилькини, скажите ему, что его

брат Улькини сброшен Долданом в яму, на дне которой были расставлены ножи. Скажите ему, что он будет прыгать по пням!

Пришел через некоторое время Дилькини.

Пошли они к пням. Между пнями тоже торчат ножи...

— Сначала ты прыгай,— говорит Долдан,— ты ведь хорошо знаешь эти пни, а я их первый раз вижу. Это место мне совершенно незнакомо. А ты ведь замечательный прыгун.

Дилькини обрадовался такой похвале своего противника. А Долдан, отвернувшись, смеялся над ним.

Стал Дилькини прыгать по пням, а Долдан говорит:

— Вот сейчас свалится и упадет!

И действительно, промахнулся Дилькини, не рассчитал, прыгнул так, что упал на ножи. Он погиб так же, как и его брат.

Долдан с братом опять отправился к Кагынкану.

Увидел их Кагынкан и говорит своим людям:

— Принесите большой котел!

Слуги принесли огромный котел с оленьим мясом. Кагынкан подумал: «Долдан объестся, ему станет худо. Вот тогда-то мы его и убьем».

А Долдан смотрит на дымящийся котел с мясом и только посмеивается.

Взял он дымящийся, горячий котел за края и выпил все до дна.

Кагынкан смотрит и глазам своим не верит.

С Долданом же ничего не случилось. Чтобы показать Кагынкану свою силу, смял он пустой котел в руках, а потом бросил его в сторону.

— Принесите еще котел! — крикнул Кагынкан слугам.

Слуги принесли еще котел. Он был также полон мясом. Опять поставили котел перед Долданом.

Долдан и этот котел выпил, смял его и отбросил в сторону.

Удивляется Кагынкан. Видит он, что перед ним стоит человек необыкновенной силы.

— Ты непобедимый, бери мою дочь в жены,— говорит он тогда Долдану.

А у дочери Кагынкана все зубы были железные.

Но Долдан не испугался, только посмеивается.

— Что ж,— говорит он,— где твоя дочь?

— Войдешь вон в ту землянку и увидишь ее,— отвечает Кагынкан.

Пошел Долдан к землянке, вошел в нее и сказал сидящей там девушке, что она будет его женой.

Наступила ночь. Легли спать. Чувствует Долдан, что женщина его кусает, а на теле никаких следов не остается.

Долдан смолчал, как будто ничего не случилось. Женщина продолжает кусать, а Долдан лежит и молчит как ни в чем не бывало. Притворяется, что он ничего не чувствует.

Все зубы у женщины стерлись, а Долдан все терпит. Тогда она стала царапать его ногтями. Но и ногти сломались. «Что это я подставляю ей свои бока,— подумал Долдан,— попробую-ка я ее ударить».

Ударил Долдан дочь Кагынкана, и она сразу же умерла.

Затем пришел Долдан к брату и говорит:

— Всех сильных и ловких людей мы уничтожили, теперь можем убить и остальных.

Уничтожили они Кагынкана и всех его людей, забрали их имущество, женщин и вернулись в свое стойбище:

Так жили люди в старину, когда существовала вражда между родами.

НАКАТ

Жили два брата, оба они были женаты, оба имели детей — по одному ребенку. У обоих были девочки, одной пятнадцать лет, а другой четырнадцать лет. У обоих братьев было примерно оленей семьдесят. Оба брата были хорошими охотниками; били медведей, диких баранов.

Долго ли, коротко ли жили, вдруг вечером послышался вой волков. Старший брат собрался и ушел к оленям посмотреть, чтоб не пришли волки. Всю эту ночь он пас оленей. Волков не было — вероятно, убежали. Наступил второй вечер. Старший брат и говорит младшему:

— Ну, хорошо было бы ночью оленей покарать, а то могут волки прийти.

Младший брат ленится:

— Откуда они могут прийти, убежали, вероятно, ушли.

Время было осеннее; наступила поздняя осень, но снег еще не выпал. Младший брат опять говорит:

— Пусть ребята постерегут оленей. Я завтра пойду на охоту.

— Ну, ладно, пусть они попасут оленей,— говорит старший брат.

Девушки отправились на пастбище верхом на оленях. Погнали оленей на горное пастбище. Зашли на вершину горы: передвигаясь, оленей накормили досыта. Ночью олени легли, пережевывая жвачку, а девочки стали петь песни и танцевать. Когда они пели, вдруг увидели, что стало пасмурно, подул ветер. Старшая сестра говорит младшей:

— Давай спустимся к подошве плоскогорья, а оленей загоним в лес. Подует ветер, будет очень холодно. Возможно, надвинется туман.

Младшая сестра говорит старшей:

— Страшно, не надо гнать оленей, а то вдруг мертвец будет пугать. Если будет холодно, здесь же ляжем спать, после того как олени все лягут отдыхать.

Старшая сестра говорит:

— Ты сможешь проснуться, чтобы подняться рано?

— Ну, я проснусь.

— А я не могу проснуться. Если ты проснешься, поспеши разбудить меня.

Привязали к кустикам верховых оленей. Легли спать. Вдруг послышался треск, шум бегущих оленей. Девушки быстро вскочили. Вскоре только вдали слышался треск убегающих оленей. Пошли к тому месту, где были привязаны верховые олени, их не оказалось — убежали вместе с выдернутыми кустами. Прислушались, нигде ничего не слышно; олени потерялись.

Стало темно, надвинулись тучи, пошел снег. Обе девушки побежали по направлению бега оленей. Старшая сестра впереди бежит, и так они очень долго бежали. Старшая обернулась посмотреть на младшую сестру, но последняя отстала. Тогда она стала кричать, звать. Кричит-кричит, зовет-зовет — никто нигде не откликается.

Опять побежала вперед; бежит и бежит. Очень долго бежала, ноги стали болеть от бега. Снег пошел боль-

шой. Но девушка все шла вперед. Долго ли, коротко ли шла, вдруг как будто бы светло стало, как бы взошла заря. Девушка нашла большое дерево, вывороченное с корнями; под корнями снег растаял. Тут она и присела, дожидаясь рассвета. Пока она сидела, стало светать. Когда присмотрелась к месту, оно из знакомого превратилось в другое. Она думает: «Заблудилась, вероятно». Тучи слегка посветлели. Девушка осматривает место, оглядывается кругом; вблизи как будто виднеется гора с кедровым сланцем. Девушка думает: «Поднимусь на эту гору, может быть, узнаю свою землю (свое место)».

Вот девушка стала подниматься на гору. Кое-как дошла до вершины. Смотрит с вершины: кругом незнакомое место, нигде не видит своего дома. Стала думать: «Вероятно, умру». Начала спускаться с вершины горы. Плачет. «Все равно умру», — приговаривает. Когда опять стала спускаться, опять пошел снег, подул ветер. Долго ли, коротко ли, видать, ходила девушка только по склону горы: совсем заблудилась. Весь день она бродила. В конце концов стало темнеть. Совершенно не знает куда идти. Подумала: «Под корнями вывороченного дерева хорошо было; было бы хорошо, если бы такое место найти; хотя бы под таким корневищем умереть».

А снег все идет и идет, стал уже по пояс. По такому снегу она бредет. Одновременно и снег идет, и стемнело, и наступила ночь. Вдруг, бредя по снегу, она провалилась в снег. Снег стал по горло. Нога почуяла что-то, как будто что-то теплое, которое двигало ее ноги. Девушка наклонила голову; осматривает. Оказалось: яма. Посмотрела в эту яму. Когда присмотрелась, видит: мохнатое что-то шевелится. Поползла девушка к шевелящемуся. И вот когда она подошла — оказался медведь. Ползает, а сама думает: «Убьет меня медведь или нет?». Подползла к медведю; медведь спит. Вдруг медведь освободил часть своего ложа. Девушка прилегла рядом с медведем, стало очень тепло, теплым-тепло. Раньше, когда она ходила, вся одежда была мокрой, теперь высохла, из-за того, что она была возле медведя.

Вдруг захотелось есть. Чуть не умирает с голоду. Затем девушка подумала: «Вероятно, я умру с голоду». Тут она в себе подумала съесть медведя. Пока она так думала, как медведь подает ей ногу, ступню, ко рту. На

ступне — подушечки, эти подушечки она стала жевать. Очень вкусно. Желудок ее насытился. Насытившись, она захотела спать. Заснула. Когда она спала, медведь ее лапой трогает. Проснулась. Девушка положила голову на ухо медведя, как на подушку. Когда она лежала на ухе медведя, как на подушке, вдруг послышался плач: «Как жалко! Где потерялась наша дочь? Видать, она умерла. Оленей медведь, вероятно, спугнул. Мы теперь медведя убьем и на огне будем жарить. Если бы волк угнал оленей, он убил бы оленей. Медведь же, спугнув оленей, не сможет их убить; отстанет (не загонит) их; а вот дитя наше, возможно, убил. Тоска по дочери одолевает нас».

Вот так вместе с разговором слышался плач. Очень удивившись, девушка выглянула в отверстие, смотрит на улицу. Видит, везде снег растаял. Она удивилась:

— Что случилось со мной? Проспала целую зиму, пока не растаял снег. Потерявшись осенью, проспала до весны.

Ну, девушка вышла. Слушала, но то, что слышалось, когда она вышла, исчезло, не было никого.

Вдруг позади ее вышел из берлоги медведь.

Девушка медведя уже не боится, потому что вместе спала зиму. Девушка сама говорит медведю:

— Ты, уважаемый старик, укажи, где мой дом. Где мой отец и моя мать?

Медведь лапой машет, как бы указывая направление. Девушка побежала туда, куда медведь указывал лапой. Шла, шла, долго шла. Целых два дня шла. Вдруг она узнала место, где раньше находилось их стойбище. Пошла к тому месту. Сразу же увидела оленей. Пошла к этим оленям. Действительно, знакомые олени, бывшие их олени, ее бывшие верховые олени. Девушка очень обрадовалась, что узнала своих оленей, нашла их. Пошла искать стоянку. Вот виднеются два дома. Подошла ближе, в дом своего отца вошла. Вот сидит ее мать. Мать, испугавшись ее, упала вверх лицом. Опомнившись, присела:

— Ну, что, жива ли ты, жертва ли или привидение?

— Жива, жива.

— Ну, как жила? Где была? — спрашивает мать

Дочь все рассказала о том, как она жила. Рассказала, как потерялась, рассказала, как пряталась под

корнем дерева, рассказала, как слышала через кость медвежьей лапы чей-то плач.

— Ну, мой отец куда ушел? — спрашивает девушка. Мать отвечает:

— Ушел искать твои мертвые кости.

Девушка уснула.

Наступила ночь, а отца нет. Вдруг ночью, когда она спала, послышался зов старухи матери:

— Старик, смотри не испугайся! Наша дочь пришла.

Старик как нес лук, так и вошел в дом, очень обрадовавшись. От радости порвал луком дверь юрты. Дочь свою вместе с одеялом взял на руки, живую, целует:

— Где ты была? Как ты жила?

Дочь рассказала отцу о том, как она заблудилась, рассказала, как спряталась под корнями дерева, рассказала, как спала с медведем, как, проголодавшись, сосала лапу медведя, как насытилась, как спала на лапе у медведя и как слышала чей-то плач.

Вот зажили вместе с отцом. Живет до следующей ранней весны. Вдруг живот у девушки стал большим. Мать, удивившись, спрашивает:

— Живот у тебя почему большой стал?

— Я также удивляюсь. У меня в животе что-то шевелится. И когда хожу, очень тяжело, — отвечает дочь.

Растаял снег, наступила ранняя весна. Вдруг девушка опять потерялась. Старик и старуха начали ее искать. Немного спусти и соседи начали искать, приговаривая: «Где она потерялась?»

Далеко и долго искали, вернулись, когда стало светать.

Около того места, где они всегда брали воду, берег был очень крутой и с маленькой выемкой (пещерой). Старуха, плача, пошла за водой. Вдруг из пещеры послышался детский плач. Старуха заглянула туда. В пещере темно, там, внутри, слышится плач только что родившегося ребенка. «У моей дочери был большой живот, она беременна, и теперь, вероятно, она там сидит», — думает старуха.

— Детка, что ты делаешь? — позвала старуха.

Оттуда послышался голос:

— Я от стыда зашла в эту пещеру. Мне стыдно, у меня родился ребенок, похожий на собачку, мохнатый. Я из-за этого стыжусь. Затем после этого родился настоящий ребенок.

Та старуха сказала:

— Того ребенка своего, похожего на щенка, куда положила? Бросила его или он живой?

— Под обрыв, в глубину пещеры, живым бросила. А теперь и этого ребенка хочу бросить. Потому и вошла в пещеру.

— Принеси того ребенка своего, принеси,— попросила старуха.

Девушка отдала ребенка, покрытого приставшими песчинками. Как только девушка отдала ребенка, старуха стала звать своих соседей и старика:

— Старик, нашла! Нашла на берегу в пещере, глыща нашего нашла!

Старик пришел, и соседи пришли. Едва вытащили из пещеры своего ребенка. А девушка там умереть собралась со стыда.

— Не печалься, не стыдись,— говорят оба, и старик и старуха.— Детей твоих мы будем кормить, это даст нам счастье.

Их дочь перестала стесняться, обрадовалась.

— Где же второй твой ребенок, похожий на щенка?— спрашивает отец.

— Там, под берегом, в пещеру бросила, чтобы он умер.

— Иди покажи,— сказал старик.

Вот дочь пошла показать. Щенок был заброшен глубоко в яму. Очень далеко упал, рукой нельзя достать. Старик прислушался, вдруг слышит: в яме визжит, похожий на визг щенка. Старик побежал домой за топором. Стал рубить в пещере дыру. Прорубив дыру, рукой в темноте шарит. Вдруг рукой задел за мокрого щенка, вытащил его и взял на руки. Положил на край берега. Когда на свету рассмотрел, оказался медвежонок, медвежий щенок, весь мокрый. Принес его домой, обсушил. Затем и ребенка и медвежонка вымыли, обоих обсушили. Потом дочери своей говорят:

— Этих обоих давайте кормить. Это не собака, это медвежий ребенок. Ты ведь обрадовалась своей жизни, когда заблудилась, ведь жалко было расставаться с ясным днем?

Тогда сказала девушка:

— Да, жалко было, жалко было расставаться с ясным днем, умирать я не хотела.

Тогда старик говорит:

— Тебя медведь спас; ты рассказывала о том, что спала вместе с ним; действительно ты с ним спала, мы этому поверили. Теперь нам необходимо постараться хорошенько и получше выкормить медвежьего ребенка, — сказал отец.

Тогда дочь сказала:

— Как ты расскажешь людям о том, что у меня — медвежий ребенок? Люди будут насмехаться, я лучше убью его.

Отец ее говорит:

— Я буду говорить людям, что, убив в берлоге медведицу, я взял медвежонка. И соседей попрошу рассказывать людям то же. Скажу им, чтоб они никому не говорили о том, что медвежонок — твое дитя. Пусть он живет до тех пор, пока куда-нибудь не уйдет; будем его кормить.

Тогда дочь говорит:

— Если не будете говорить, что медвежонок — мое дитя, согласна растить его.

Так дочь согласилась растить. Она стала кормить настоящего ребенка. Дедушка с бабушкой начали растить медвежьего ребенка. Того воспитанника своего называли Накат, а другого мальчика — Торгани. Торгани стала кормить мать-девушка. Медведя бабушка растит, кормит Наката оленьим молоком. Торгани же мать кормит своей грудью. Имея в груди молоко, она не кормит медведя, стыдится; поэтому его воспитывает бабушка.

Настала ранняя осень. Люди стали приходить в их дом. спрашивают про Наката:

— Где это вы нашли медвежонка?

Старуха обычно отвечала:

— Мой старик нашел берлогу, убил медведицу, медвежонка забрал. Поэтому и кормим его, чтобы посмотреть, каким он вырастет.

Все время людям так говорят. Все люди верят.

Бабушка сделала из оленьей шкуры медвежонку одеяло. Зимой он стал большим — подрост. Став побольше, медвежонок начал подносить от дверей дрова, держа поленья зубами.

Наступила ранняя весна, олени стали телиться, снег стал местами таять. Накат очень любил ягоду и всегда бегал на гору есть ее. Ест ягоды с куста и копает лапами землю — стал сильным. Уходит вечером, возвращается утром.

Ему дают мясо, но, став большим, он не желает есть мясо. Выворачивая камни, лижет то, что находится под камнями. Старик заинтересовался: что же Накат лижет под камнями?

Говорит старухе:

— Когда Накат будет выворачивать камни, сходи посмотреть, что он ест под камнями.

Как только старик ушел на охоту, старуха увидела, что Накат переворачивает камни. Она пошла посмотреть: оказывается, под камнями бегают масса муравьев, этих муравьев Накат ест, языком слизывает, всех муравьев съел.

После охоты старик вернулся домой. Старуха рассказывает старику:

— Этот Накат, стыд! Муравьев ест.

— Когда он будет копать землю, ты еще подстереги, что он там ищет.

— Ладно,— говорит старуха.

Затем старик опять ушел на охоту. Старуха увидела, что Накат опять роет землю. Пошла старуха посмотреть. Оказывается, медвежонок роет под корнем дерева. Тянет с большой силой зубами и ногами царапает.

Накат хорошо понимает речь старухи. Старуха говорит:

— Дай я посмотрю, подожди, подожди,— тянет Наката за зад. Медведь перестал копать, стал ждать. Старуха опустилась в выкопанную им яму. Смотрит туда, ничего не видно. Оказывается, там, дальше под землей, очень маленькая нора виднеется. Прислушалась, вдруг далеко внутри послышался писк бурундука. Старуха, послушав, вышла из ямы. Стала думать: «Знать, он бурундуков промышляет». Потом подумала: «Убив этого бурундука, что он с ним будет делать?» Накату стала показывать: «Убей, убей, копай»,— приговаривает.

Обрадовавшись, Накат очень громко заревел, скрылся в выкопанное отверстие. И вот послышался звук от его копания. Старуха стоит около норы и смотрит: убьет ли медведь бурундука. Немного спустя Накат вышел из норы, держа в зубах пойманного бурундука. Подошел к старухе, как бы желая отдать бурундука.

Старуха сказала:

— Стыдно, стыдно! Ты или съешь его, или делай с ним что хочешь.

Когда она так сказала. Накат вдруг съел бурундука. Старуха пошла домой. Скоро пришел старик. Старуха стала рассказывать:

— Этот Накат на бурундука охотится, землю копает. Поймав бурундука, мне хотел отдать. Я испугалась: «Стыдно! Стыдно! Или съешь, или делай с ним что хочешь», — закричала. Накат бурундука съел.

— Страшный зверь, — говорит старик.

Другой ребенок — Торгани — быстро вырос. Человек обычно медленно растет. А он иначе, чем человек, — быстро вырос. Быстро большим стал: наравне с Накатом рос, равный Накату стал. Днем тот ребенок обычно играет с Накатом. Всегда ребенок бывает побежденный, всегда придавленный Накатом. Мать обычно защищает своего ребенка, палкой колет Наката, когда он одолевает сына.

— Не причиняй боли Накату, когда защищаешь ребенка своего, Накат боли ему не причинит, — говорит обычно старик дочери.

Дочь сильно обозлилась на Наката, защищая своего ребенка. А ведь она обоим была мать. Когда она гонится за ним с палкой, Накат убегает, не собирается с ней драться. Потом Накат перестал заходить в дом, стремился быть на улице. Он как будто понял, что мать на него сердится, поэтому и бродил на улице.

— Не обижай Наката, — говаривал старик отец.

К сказанному отцом дочь не прислушивалась. Вскоре Накат стал пропадать на два дня. Так и жили, затем он потерялся на десять дней, но вернулся. Потом опять на один месяц пропал, но пришел. Большим, здоровым медведем стал. И однажды, придя, вошел в дом. Но в дверь еле-еле влез, очень жирным стал. Настоящая его мать испугалась. И голова у него огромная, и зубы, и когти огромные стали. Подошел к старухе. Подойдя, ноги и руки ее облизал, как собака лижет у своего хозяина. Посмотришь — можно подумать, что он с очень хорошими намерениями это делает. Облизав руки старухе, он облизал и старику. Старик, пожалев, голову Наката погладил и говорит:

— Этот Накат как будто совсем уходить собрался. Это он с нами проститься решил.

Старуха Наката по голове погладила, «миленький» говоря. После этого Накат из их дома вышел. Старик со старухой оба сзади пошли. Торгани тоже сзади вы-

шел. Накат вверх на гору поскакал, оглядываясь назад. Вдруг Торгани повернулся и закричал:

— Я когда-нибудь тебя убью!

Услышав это, Накат поднялся на задние лапы. Став на задние лапы, заревел, находившиеся вблизи его молодые лиственницы все до одной переломал. Посмотришь на него — очень сильный.

Тогда дед говорит своему внуку Торгани:

— Ты зачем задаешься? Зачем так Наката подзадориваешь?

Тогда Торгани отвечает:

— Дедушка, когда я буду большим, буду драться.

— Грех, Торгани, что ты болтаешь! Посмотри, он с зубами, с когтями, как ты с ним будешь драться? — сказала бабушка.

Прутиком пугает ребенка. Торгани убежал к матери. Вошел в юрту, сразу же сказал матери:

— Бабушка говорит: «Он с зубами, с когтями, чего болтаешь? Как ты с ним будешь драться?» Бабушка веткой на меня замахнулась, чтобы пригрозить.

Мать Торгани отвечает:

— Когда вырастешь большим, ты попробуй подерись с ним.

— Ладно, — сказал ребенок, как будто обрадовавшись.

— Дедушке и бабушке об этом не говори, чтобы они не знали, а то они будут тебя ругать. Ты сам думай о том, как будешь драться.

— Ладно, — говорит сын.

Ну, а медведь совсем потерялся.

Дедушка состарился, и сам Торгани большим парнем стал, взрослым стал. А дедушка и бабушка от старости стали как дети.

Торгани стал взрослым человеком, очень ловким и сильным. Но никогда Наката не видит. Ищет Наката, не находит.

Однажды, когда растаял снег, летом, на горе стал искать. И увидел огромного медведя. Но когда он попытался подойти ближе, медведь убежал в лес. А лес подобен волосам на голове человека. Где он найдет убежавшего в лес медведя? Пошел Торгани к тому месту, откуда выбежал медведь. В зарослях кедрового сланца нашел его летнюю тропу. Вдруг нашел место, где были съедены орехи, много было съедено орехов.

Пошел по этой летней тропе медвежьей. Скоро заметил обкусанные и оцарапанные деревья. Сильно обгрызено, а высоко вверху чуть-чуть не перегрызено дерево. Когда Торгани стал, рука его не достает до обгрызенного места: так высоко была обгрызена лиственница. Он взял острый камень, влез на дерево выше обгрызенного места. Захватив с собой камень, дерево срубил. Лиственница упала. Когда дерево упало, Торгани стал этому дереву говорить заклинание: «Ты, медведь, не убегай от меня. Ты сильный, и я сильный. Давай померяемся силой. Ты, избегая со мной разговора, наметил царапины. Ты о себе думаешь, что сильнее тебя силы нет. Ты, обидевшись на мои слова, на этом месте подожди меня. Я во что бы то ни стало одолею тебя. Ты по земле четырьмя ногами ходишь. Я же на двух ногах хожу. Приходи, чтобы нам вместе побороться, подраться. Если ты не придешь, буду рассказывать всем, что ты струсил».

Вот так, обращаясь к дереву и царапинам, говорил Торгани. Сказав это, он пошел домой и лег спать.

— Ты что, болеешь, что ли, почему так сразу под одеяло лег спать? — спросила мать.

— Не болею, мама, — отвечает сын. — Медведя спугнул, очень большого. Пошел я по тому пути, куда он убежал к своим царапинам. На летней тропе нашел его царапины. Царапинам заклинал: «Я, сильный, и ты сильный; для борьбы хочу встретиться на этом месте». Теперь об этом думаю. Возможно, он меня убьет, возможно, я его убью. Если умру, больше не увидимся. Завтра утром пойду».

Утром сын встал, оделся и пошел. Вдруг мать говорит:

— Ну, подойди, чтобы я тебя поцеловала, возможно, медведь тебя убьет.

А сама думает: если ее сын услышит ее слова, тогда медведь его не убьет.

Но Торгани к матери не подошел, отправился в путь. Перед уходом сказал матери:

— Если останусь жив, через три дня вернусь. Если через три дня не вернусь, думай, что я умер.

Ушел Торгани, смелый, ловкий. Скоро он дошел до старой летней тропы. Подошел к дереву, царапин не видно. Посмотрел вблизи, царапины у самого основания срезаны. Потом увидел — огромный медведь лежит.

Даже зубами скрежет. Очень страшный, зубы свои готовит. Вдруг Торгани заговорил:

— Мы вместе родились, должны понимать друг друга. Слушай мои слова!

Медведь очень разозлился, когти готовит, выпускает, шерсть дыбом встала.

— У меня когтей нет, смотри,— показывая медведю руки, говорит Торгани. Рот свой раскрывает:

— Зубы смотри! Клыков у меня тоже нет, я на тебя не похож.

Ноги показывает: «Когтей нет»,— говорит.

— Думаю, что по силе я сильнее тебя.

Рассердился медведь. Торгани говорит:

— Кулаками давай драться, когтями не будем царапаться.

Вдруг лежащий Накат вскочил, к Торгани шагнул. Торгани к медведю шагнул, чтобы встретиться, чтобы драться. Накат встал около Торгани, как бы подставляя шею для удара. Торгани в свою очередь подошел, в ожидании удара лопатки подставляет. Вдруг Торгани позвал медведя:

— Кто из нас начнет бить? Ты первый удар, только когтями не трогай.

Накат встал сбоку, когти сжал в кулак. Сильно вздохнув, заревел; заревев, ударил прямо по лопаткам Торгани.

Торгани, тяжело вздохнув, на расстояние пяти махов отскочил, упав на ладонь одной руки. Торгани вскочил, говорит:

— Теперь дай я ударю.

Торгани, разбежавшись, ударил в грудь. Накат только слегка охнул.

— Еще раз дай ударить,— говорит Торгани.

Ну, Накат встал около Торгани, ударил Наката под сердце. Медведь рассердился, от боли сжался. Рассердившись, не дожидаясь, Накат ударил Торгани по бедру ногой, когтями оцарапал, все мясо порвал. Затем еще раз повторил и зубами стал кусать Торгани. Торгани схватил рукой за нижнюю челюсть между клыками, медведь сжал челюсти, три пальца откусил. Указательный палец остался и большой. Торгани подумал, что медведь должен его убить, много когтей у него и зубы есть. Указательным и большим пальцами держит нижнюю челюсть в пространстве между клыками. Говорит Накату:

— У тебя зубы есть, когти есть; если ты меня убьешь, буду рассказывать, что ты меня мучил, и сородичи мои, которые останутся после меня, скажут: «Медведь когтями мучил, зубами убил». Ты мне руку искалечил, мясо на бедре выдрал.

Накат стоит, не вырывается, схваченный за нижнюю челюсть.

— Где я найду себе когти? Когтей у меня нет, зубов не могу найти. Дай-ка я пойду поищу себе когти,— сказал Торгани и отпустил челюсть медведя.

Накат посмотрел ему вслед, но преследовать не стал. Торгани показалось, что медведь понял его. Торгани пошел искать когти для себя. Разломав дерево черное, осмотрел его. Стал думать Торгани: «Однако камень лучше будет». У них, видеть, железа еще не было: все камнями едят. Ищет, ищет камень, землю роет. Нашел груду камней. Затем, взяв черный камень, обил его. Огромный, острый камень еще острее обил. Накат смотрит, как тот обивает камень, внимательно смотрит, как бы предчувствуя опасность. Взяв камень, Торгани сказал:

— У меня и руки не стало, и мясо на бедре разорвано, я заболел. У тебя же я ничего не повредил. Дай-ка я первым ударю.

Накат стоит на одном месте. Как будто опечалился и знает, что одолеет его Торгани. Замахнувшись острым камнем, Торгани ударил ему прямо под сердце. Камень острый, что подделаешь, Накату насквозь под сердце ударил. Накат вздрогнул, изо рта у него полилась кровь. Он присел на зад. Вдруг Накат заговорил:

— Я тобою побежден, Торгани. Ты меня хорошенько похорони. Меня вы всегда будете промышлять. Отныне медведей много станет. Теперь ты после моего убоя всегда устраивай медвежий праздник. Приглашай на него много людей, пусть они едят мои внутренности. Всех приглашай, которые близко живут, никого не обходи. У меня была человеческая мать: голову, глаза, сердце не давай есть женщине, потому что она не захочет есть своего бывшего ребенка. Мою голову хорошенько похорони, на обтесанную листовницу с зарубинками положи вместе с моими костями. Сделай мне очки из бересты или из чего-нибудь другого. Надев очки на голову, повесьте череп на дерево. Сняв с головы шкуру, на глазные отверстия наложи палочки, скрепив их; палочки

красиво вырежь. Тогда медведь не будет охотиться на человека своими зубами.

Накат умер.

Торгани потрошит своим камнем медведя. Все внутренности потрошит, сухожилия вырезает, кровеносные сосуды вырезает, ничего не потерял. Окончив потрошить, пошел домой.

— Я Наката убил,— сказал он матери.

— Ну, что будешь делать с убитым медведем?

— Э, мать, буду есть, медвежий праздник сделаю.

— Пусть будет так,— ответила мать.

Назавтра утром встал, сходил в тайгу два раза и принес домой все мясо и шкуру медведя. Придя домой, на шкуре с головы, на глазных отверстиях закрепил вырезанные специально палочки. Все внутренности положил в котел, мясо и голову тоже, и сварил. Затем много гостей пригласил и для них поставил большую юрту. Для собравшихся поставил котел и несколько полных чашек с мясом. Голову с внутренностями положил в один большой котел. После этого обратился к гостям:

— Вот эти внутренности начинайте резать на мелкие кусочки и запивайте наваром. Голову медведя и кости очищайте от мяса. И затем похороним.

Все пришедшие люди очень боятся медведя, боятся даже котла, где варилось мясо медведя. Женщины, взглянув на медведя, боятся его клыков. «Страшно!» — говорят и убегают на улицу. Бывшая мать медведя тоже боится его. Никто не хочет резать мясо для трапезы и кушать боятся. Тогда Торгани один стал резать мясо ножом. Думает: «Что сделать, чтоб гости сели за трапезу? Попробую спеть песню, может, это поможет».

Подумав так, запел:

Обычай Торгани имеет,

Гуло, гуло, гуло.

С медведем драться,

Гуло, гуло, гуло.

Медведь с зубами,

Гуло, гуло, гуло,

С когтями был,

Гуло, гуло, гуло.

С двумя ногами я,

Гуло, гуло, гуло,

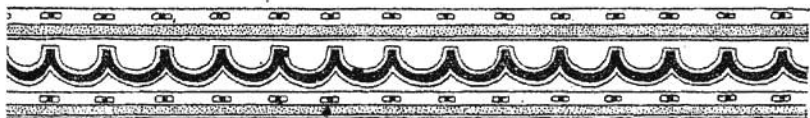
Одолел его,
Гуло, гуло, гуло.
Все внутренности выпотроши
Гуло, гуло, гуло.
Наденем ему очки,
Гуло, гуло, гуло.
Похороним, сделав зарубки на бревнах,
Гуло, гуло, гуло.
Вот обычай Торгани,
Гуло, гуло, гуло.
С этих пор всегда,
Гуло, гуло, гуло,
Растущие маленькие дети,
Гуло, гуло, гуло,
По моему обычаю,
Гуло, гуло, гуло,
Хороните, сделав зарубки,
Гуло, гуло, гуло.
Очки на него надевайте,
Гуло, гуло, гуло.
Вот обычай Торгани,
Гуло, гуло, гуло.
Делайте так же,
Гуло, гуло, гуло.
Молодежь, вот так же,
Гуло, гуло, гуло,
Всегда хороните,
Гуло, гуло, гуло.

Когда он стал петь, все люди прислушались, вошли все в дом, даже тесно стало, так как впервые услышали песню. А Торгани ест праздничное угощение. Гости же не едят, боятся и только смотрят. Думает Торгани: «Что же сделать, чтобы они стали есть?» Торгани опять запел:

Обычай Торгани имеет,
Гуло, гуло, гуло.
Женатых людей созываю,
Гуло, гуло, гуло.
Дедушка, не обижай!
Гуло, гуло, гуло.
Подобно вороне кричу,
Гуло, гуло, гуло.
Став мышью, скребу,

**ЭВЕНКИЙСКИЕ
ПРЕДАНИЯ**

Эвенки по языковым особенностям делятся на восемнадцать групп и расселены от Сахалина до Томской области.

Первые сведения об окружающем мире эвенки узнавали в детстве из сказок. Сказки эти обычно начинались с вопроса познавательного характера, ответ на который давался в художественной поэтической форме. Во время рассказов старики рисовали на земле следы птиц и животных, которые затем показывали детям в действительности.

Загадки тренировали сообразительность; их начинали загадывать детям, когда они осваивали стрельбу из игрушечного лука. Считалось, что охотник, убивший впервые копытного зверя, должен уметь быстро отгадать любую загадку.

Наряду с этим дети узнавали и мифы о вселенной, о ее происхождении, о происхождении человека, животных, о шаманах...

Наконец, когда дети становились взрослыми, им рассказывали предания. Еще Георги писал в XVIII в. об эвенках, что «знания их утверждаются только в преданиях».

В преданиях эвенков названия родов, личные имена и географические названия соответствуют современным. В отдельных случаях рассказчик помнил все поколения, вплоть до своего. Таким образом, у молодого поколения, вырабатывались знания правил и норм поведения, обязанностей и морали.

Родовые предания имеются у всех 18 групп эвенков. Они отражают жизнь эвенкийских родов в период с XVI до начала XIX в.

В преданиях отражены традиции и разные стороны жизни родового общества. Такие факты, как объединение двух родов, месть за убитого члена рода, взаимный

обмен между родами, и многое другое перекликаются с данными исторических документов XVII в.

*Из введения к книге Г. Василевич
«Исторический фольклор эвенков».*

ОРАН

Среди илимпийских тунгусов был один человек по имени Оран. Жил он на речке и, перегораживая ее за-колом, добывал себе рыбу. Однажды человек около тридцати тунгусов направились к нему, чтобы убить его. На последнем ночлеге перед встречей с ним двое из них остались хозяйничать, а остальные направились к Орону. Подкравшись тихонько лесом к речке, они увидели Орана. Тот был на своем заколе. Тут же в воде у закола был вбит развилыстый кол, на котором был повешен его лук. Из предосторожности он не оставлял своего оружия на берегу. Увидев Орана, неразлучность его со своим оружием, тунгусы не решились напасть на него и вернулись обратно. Когда они пришли к оставшимся двум товарищам, те спросили их, убили ли они Орана.

— Нет, — ответили те и рассказали, что видели.

— Эх, вы, столько человек побоялись напасть на одного! — заметили два оставшихся тунгуса.

— Вы говорите так, будто вы можете убить его, — возразили те, — так идите же сами и попробуйте убить.

— Что же, мы и пойдём! — сказали оставшиеся и действительно отправились.

Придя к заколу, храбрецы увидели, что Орана там уже нет и что он укочевал, причем шел, не выбирая чистые места для своего аргиша¹, как делали и делают обыкновенно, а прорубая целые просеки, если попадалась чаща. Двигался Оран поэтому медленно, и тунгусы скоро подошли к нему настолько близко, что могли рассмотреть его, и, зайдя к нему спереди, спрятались за вывороченное корневище дерева, как раз против пути Орана, так что последний в своем стремлении идти прямо должен был непременно выйти на них.

¹ Аргиш — обоз.

Выбили они в двух местах глину с корневища вроде маленьких окошек и стали ждать. Скоро действительно подошел Оран и всего в каких-нибудь двух-трех саженьях от засады стал рубить мешавшее ему дерево. Один из спрятавшихся пустил в него из своего окошка стрелу, но промахнулся, так как Оран успел уклониться от нее, прокричав криком какой-то птицы. Страх тут напал на сидевших в засаде, и они бросились бежать. Оран пустил им вдогонку стрелу и убил одного из них. Затем он закричал:

— Эй, подожди маленько, я не убью тебя!

Тот остановился. Подойдя к нему, Оран спрашивает:

— Зачем вы пришли сюда?

— А чтобы убить тебя,— отвечает тунгус.

— А разве вы слышали об Орране, что пришли убить его?

— Как не слышать, все говорят о тебе, вот и пришли мы.

— А много вас?

— Да, порядочно,— ответил тунгус.

— Ну, так я не убью тебя, как и обещал: теперь же ты ступай и скажи своим, что видел Оррана и что один из вас поплатился за свое желание убить меня,— и Оран мирно отпустил тунгуса.

Убить его больше никто не пытался.

ДВА БРАТА

Жили два брата: старший, женатый, вел хозяйство, младший же, холостой, был лентяй. Однажды жена старшего брата заметила, что к ним подходят три вооруженных луками человека и сообщила своему мужу. Тот посмотрел и видит, что действительно идут люди, и, как ему показалось, довольно подозрительные. Затем старший брат говорит, обращаясь к младшему:

— Слушай, брат! Если я увижу, что это — худые люди, то я мигну тебе. Тогда ты скажи, что нужно приготовить дымок для оленей (а надо заметить, что была комариная пора), и, выйдя, приготовь тихонько большой нож в дрове и лук.

Брат ничего не ответил. Тем временем пришли замеченные люди, все вооруженные и очень подозрительные

люди. Поговорив немного с пришельцами, хозяин мигнул брату, потом еще раз и еще, а тот и не смотрит на него; уставился глазами в пол и сидит себе как ни в чем не бывало. В это время один из пришельцев вытащил нож и ударил им в лентяя; удар пришелся в самое сердце, и парень тут же умер. Увидя это, хозяин кое-как, в чем был, успел выскочить во двор; ни лука, ни чего другого, кроме большого ножа в древке, он не успел с собой захватить и пустился бежать. Пришельцы пустились за ним, но им не удалось догнать его, и он спасся. Некоторое время он скрывался, но потом, когда вернулся наконец домой, ни жены, ни чума, ни какого бы то ни было платья там уже не оказалось. Все было похищено; даже с брата его, с мертвого, было снято все, и он лежал голый. Ничего не осталось у бедняги — ни поесть или попить чего, ни одеться во что, ни укрыться где от стужи; остался он в одном летнем платье. Долго скитался бедняк в поисках своих обидчиков, питаясь чем Бог пошлет.

— Неужели жена моя, баба умная, не придумает ничего, как нам опять соединиться? — думал он, а сам все искал да искал.

Наконец ему удалось напасть на их след. Нашел он тут, на месте одного из ночлегов, кусочек мяса, спрятанный его женой. В другом месте он нашел старые унты. Так находил он изо дня в день по следам, в разных местах, кое-какие необходимые для него вещи. Пока так скитался ограбленный муж, наступила уже осень; пошел снег, начались холода. Скиталец мерз, голодал, ночевал где придется, но шел все вперед, пока наконец не открыл убежища своих обидчиков. Однако он не мог ничего поделать: похитители, три брата, из которых старший владел всем его добром и женой, всегда были настороже. Между тем морозы росли. Наконец, в один морозный день, после такой же ночи, старший брат говорит своим младшим братьям:

— Ну, враг наш теперь, наверное, уже замерз и более не придет, так что опасаться нам нечего больше.

— А нехолощенный самец ваш был охотничий? — спросил он, обратясь затем к своей пленнице.

— Да, был охотничий, — ответила та.

— В таком случае я отправлюсь сегодня охотиться, — сказал он, — вы тоже можете идти поохотиться, если хотите, — добавил старший, обращаясь к братьям, и дейст-

вительно уехал на охоту за дикими оленями. Братья тоже уехали в разные стороны. Осталась пленница одна домовничать. Заметив, что все разошлись из чума, следивший за ними ограбленный муж пришел в чум, где нашел свою жену.

— Ты еще жив? — воскликнула обрадованная женщина.

— Да, жив! Ну, а лук мой еще цел? — спросил в свою очередь муж.

— Цел. Каждый из них пробовал натянуть твой лук, но ни один не смог.

Взял человек свой лук, но, обессиленный долгим холоданием и голоданием, не мог и сам натянуть его. Женщина накормила его, напоила и спрятала, а пряча, дала такой совет.

— Ты теперь голоден и слаб, так не стреляй издалика, промахнешься, а выжди лучше и стреляй, когда они сядут за еду, чтобы бить наверняка.

Муж так и решил поступить, а сам спрятался. Время шло, день близился к концу. К вечеру один за другим пришли младшие братья и так же один за другим были убиты мстительной рукою стрелка. Наконец, последним остался старший брат, который подъезжал к дому. Олень под ним, почуяв старого хозяина, стал хоркать (издавать звуки).

— Что ты хоркаешь? Или пришел твой старый хозяин? Нет, брат, шалишь, он уже теперь не придет, уж замерз, поди, где-нибудь! — говорил седок, сердясь на оленя и нанося ему удары палкой по рогам. Олень тем не менее не переставал хоркать. Подъехал охотник домой, оглянулся, осмотрелся, но, не заметив ничего подозрительного, вошел к себе в чум. Женщина собрала ему есть, но только он сел и взялся за первый кусок, как свалился, пронзенный вражьей стрелой; смертельно раненный, он тут же умер, едва успев сказать вышедшему к нему врагу:

— Там я убил сегодня дикого оленя, так ты не бросай его, он жирный.

Муж же наутро, взяв указанного дикого оленя, забрав с собой жену, свое имущество и все, что принадлежало убитым, доехал на старое место, где жил раньше.

В роде Хирагир был один тунгус. Звали его Эсэ¹. Он был знаменитый охотник, проворный бегун, человек ловкий и известный многим тунгусам. Женат был Эсэ на тунгуске из Кундагир. Вместе с ним жили и все представители рода Хирагир, так что их было целое общество. Однажды кундагирцы решили истребить род хирагиров и двинулись на них войной. Дело было весной. Много было кундагирцев, целое войско, вооруженное луками и стрелами. Много было и хирагиров. Придя к жилищам Эсэ, кундагирцы начали пускать в хирагиров свои стрелы. Стрелы у них были оперены перьями из крыльев разных птиц. Тут же, среди кундагирцев, был и тесть Эсэ; стрелы у него были оперены перьями из лебединых крыльев и резко выделялись среди стрел остальных кундагирцев. Когда началась стрельба, он поднял свою белую стрелу и помахал ею в воздухе, чем давал знать зятю о своем присутствии. Тем временем, пока он махал, стрелы делали свое дело, и одна стрела угодила в затылок Эсэ, когда он отворачивался, уклоняясь от стрел, Эсэ свалился. После падения Эсэ кундагирцы очень скоро перестреляли остальных хирагиров и затем ушли обратно. Возвращаясь после разгрома хирагиров, кундагирцы дорогой присели отдохнуть. В это время тесть Эсэ, выдвинувшись из толпы, сказал:

— Был у моего зятя прекрасный нож; пойду-ка я поищу его!

С этими словами старик вернулся на место побоища! Придя туда, он отыскал Эсэ и нашел, что он только ранен и что стрела засела у него в шейной кости. Вытащил он из шеи зятя стрелу, развел ему костер, усадил около костра и сказал:

— Ну, сиди тут, я скоро отделюсь от своих и приду к тебе.

Тесть ушел к своим, а Эсэ остался у костра, среди убитых сородичей, лечиться от своей раны.

Вернувшись домой, кундагирцы, по обыкновению, разбрелись на лето. Отделился от своих и тесть Эсэ и, отстав от своих, опять вернулся к своему зятю. Здесь он прожил все лето, кормя охотой больного и ухаживая

¹ Эсэ — в переводе «глаз».

за ним. Скоро Эсэ совсем поправился и снова принялся за охоту и свои обычные занятия. Наступила осень. Тёсть его опять вернулся к своим. Через несколько лет кундагирцы услышали, что Эсэ жив и живёт себе по-прежнему и что у него опять есть народ, частью остатки не попавших в разгром хирагиров, частью бродячий, безродный народ, приставший к разбитому роду. Надо с Эсэ покончить, решили кундагирцы и летом опять пошли на него. Приблизившись к жилью Эсэ, они сначала потихоньку разведали, правда ли то, что они слышали. Оказалось, действительно, Эсэ жив и около него имелся народ. Было время перед осенью. Эсэ с людьми своими занимался охотой на гусей и питался ими. Стоял дождливый день, и Эсэ и его люди сидели в чуме и ели гусей. В этот момент к ним незаметно подошли кундагирцы и большим ножом на древке перерубили верхнюю связку чума. Чум, оставшийся без опоры, рухнул на сидевших внутри, и, когда он придавил их таким образом, враги стали прикалывать их своими большими ножами на древке сквозь чумовые нюки¹. Всех перекололи они, и лишь один вырвался из-под чума и бросился бежать. Кундагирцы бросились догонять его. Один тёсть Эсэ остался около чума и стал искать своего зятя. Под чумом было тихо: ни звука не слышно, ни стопа.

«Странно,— думал кундагирец,— неужто Эсэ не смог никак спастись?» — и, отворачивая нюки, осматривал убитых, но все это были другие лица.

— Эсэ, ты здесь? — окликнул он наконец его тихонько.

— Здесь,— раздалось из-под нюков.

Когда чум свалился на сидевших, Эсэ понял, как это произошло, и уселся смирененько в середине чума, тогда как товарищи его завозились, стараясь вырваться и тем самым выдавая самих себя, и были все переколоты.

— Ну, так выходи скорее и беги: я один здесь, а товарищи все пустились догонять бежавшего.

Эсэ вскочил; у него была лишь одна удочка да колчан со стрелами, вот и все, что он мог в темноте и второпях захватить. Выскочив из-под чума, он пустился

¹ Нюк — полотнище, сшитое из нескольких плохо выделанных оленьих кож, служащее для покрывки чума поверх остова из шестов.

- бежать. Тесть его стоял тут, около чума, и смотрел ему вслед. Жаль ему было своего зятя, хотелось ему спасти как-нибудь его, но в то же время он боялся выдать себя товарищам и потому, дождавшись, когда зять отбежал на значительное расстояние, крикнул своим:

— Эй, что же вы разбрелись и чего смотрите. Ведь Эсэ убежал, догоняйте же его!

Двое, услышав крик товарища, немедленно погнались за беглецом. Хорошо бежал Эсэ, но и противники его бежали, видно, не дурно. Стали они его догонять. Бежал Эсэ между двумя ручьями, вниз по стрелке, к месту слияния ручьев, и, добежав до него, перепрыгнул через один из ручьев. Только перескочив через ручей, он споткнулся и стал на четвереньки, почему через голову его высыпались из колчана все стрелы. Собрать рассыпанное было некогда; только на ходу он успел поймать одну стрелу и, держа ее в руке, пустился бежать дальше. Преследовавшие его продолжали гнаться за ним, но так и не догнали. Убежав от смерти, Эсэ только и мог вначале питаться тем, что добудет своей удочкой. Со временем же он поправился, опять устроился и стал жить спокойно; кундагирцы больше не преследовали уже его. Обзавелся он семьей, пошли у него дети, выросли, поженились и народили в свою очередь детей. Так образовался тунгусский род Хирагир, который до сих пор живет.

УМНА

Много лет тому назад, в старину, близ речки Киды, впадающей в Котуй, жил тунгус из рода Ельдагир, по имени Умна. Имел он жену и подростка-сына, по имени Уюльгу. Жила семья очень бедно. В те времена у тунгусов не только не было оленей, но не было почти совсем ни ружья, ни лыж. Он был очень беден. Единственно, что он имел в своем распоряжении из средств для пропитания, это — удочки. Ужением рыбы семья Умна только и кормилась. Удили все трое в разных концах озера. Зимой прорубали проруби и в них и удили, а чтобы было где погреться, разводили тут, у проруби, костер. Так и жили они, перебиваясь кое-как: когда поймают

какую-нибудь щучку, другую — поедят, а когда так и вовсе не поймают — и сидят голодом. Жили, жили они так, только Умна стал замечать, что у жены что-то совсем перестала ловиться рыба.

— Что за оказия? — думал он. — Ловилась прежде у старухи рыба, а теперь что ни день, то она возвращается с пустыми руками.

Ломал, ломал Умна над этим голову и надумал осмотреть прорубь, в которой удит жена. Задумано — сделано. Осмотрел он без жены ее прорубь и видит, что там, на дне озера, лежат рыбы кости.

— Ну, сынок, видно, старуха решила уморить нас; должно быть, она тут же, у проруби, и ест добытую рыбу, так как там, на дне озера, лежат рыбы кости, — говорит он после этого сыну.

На другой день он отправил сына одного, а сам сказал, что придет потом. Сын ушел, но скоро услышал за собой крик.

— Ну, видно, отец убил мою мать, — подумал он, однако не остановился и пошел дальше.

Скоро видит он — идет отец, волоча за собой на веревке весь свой домашний скарб, нагруженный на оленью шкуру.

— Ну, сынок, — сказал Умна, подойдя в Уюльгу, — я убил твою мать; она, оказывается, одна, без нас, съела всю наловленную ею рыбу. Пойдем отсюда, все одно, где умирать.

Сказав это, Умна пошел дальше, а сын за ним. Шли, шли они и вышли на одно озеро, где оказались старые человеческие следы. Остановился здесь рыбак и говорит сыну:

— Что ж, поудим тут!

И, разойдясь в разные стороны, они стали удить. Спустя некоторое время Умна заметил на другом конце озера человека, который начал подкрадываться к нему. Это был турильский тунгус, рыбачивший здесь, по имени Кинашкан. Он действительно заметил Умну и начал к нему подкрадываться. Увидев, что незнакомец к нему подкрадывается, Умна тотчас же разделся, положил свое платье у проруби, наподобие сидящего человека, нахлобучил на него свою шапку, а сам спрятался под яр, в том месте, где должен был выйти подкрадывающийся человек, и стал ходить. Скоро Кинашкан действительно вышел на него, не подозревая, что у проруби

пустое чучело из платья. Как только он появился под яром. Умна выскочил на него неожиданно и сказал:

— Кого ты подстерегаешь? Мое имя Умна, если ты его ищешь?!

С этими словами он пустил в него стрелу, которая вонзилась тому в горло. Умер Кинашкан. Нашел у него Умна ружье и лыжи и, захватив их, на этих же лыжах пошел по следам убитого, захватив с собой сына. Завернув за мысок озера, они увидели еще одного человека, занятого ужением. Заметил их и тот в свою очередь, но так как при нем никакого оружия не было, то, надев свои лыжи, он пустился бежать. К несчастью для него, у него в это время оторвалась завязка на лыжах, чем и воспользовался Умна; догнав его, он тут же и покончил с ним. Оказалось, что это был младший брат Кинашкана. Убив второго, Умна отправился дальше по следам и скоро дошел до чума, где нашел жену Кинашкана, которую сделал своей женой. Стал он после этого жить здесь. Сын его не принимал никакого участия в его боях, ни поощрял его, ни порицал. Не долго сидел только здесь Умна. Захотелось ему еще подраться с кем-нибудь и убить кого-нибудь и двинулся он к озеру Комешка. На пути к этому озеру он нашел еще одно озеро, где жили три семьи турильских же тунгусов. Заметив их, Умна дождался ночи и, когда все три семьи заснули, вырезал их всех сонными. Озеро с этих пор стало известно под названием Буинда, то есть «озеро могил». Покончив с этим, Умна двинулся дальше. Тем временем снег стал уже сходить, следов ничьих уже нельзя было найти. По берегам уже открылась вода, и по ней можно было плавать на плоту. Двигаясь понемногу вперед, Умна однажды вышел на одно озеро, где увидел на плоту человека, ловящего рыбу. Тот в свою очередь заметил его. Оба приготовились к встрече. Но в это время рыболов узнал Умну по его сыну и издали ему крикнул:

— Здорово, отец Уюльгу, а ведь я чуть в тебя не стал было стрелять!

— А, здорово, Майма, ведь и я чуть не убил тебя, не узнал сразу!

Оказалось, что это был знакомый и какой-то родственник Умны из рода Ялгир; у него тоже был сын-подросток.

— Откуда идешь? — спросил Майма, поздоровавшись с Умной.

— Да хожу убиваю, — отозвался тот.

— Ага, но я тоже многих убил, — сочинил о себе Майма, чтобы тот не стал храбриться.

— Это хорошо, пусть боятся, — ответил Умна, поверив выдумке товарища.

Стали они жить вместе и ставить сообща сети, для чего поселились на озере. Только хоть и знакомы они были, и родственники, но все время стерегли друг друга, не доверялись и опасались вероломства. Вместе они ходили сети ставить, вместе смотрели их, вместе сидели дома и вместе ходили на охоту — словом, они были неразлучны и не спускали друг с друга глаз. Долго они так прожили вместе. Уже стали зеленеть деревья. Весна стояла в полном разгаре. Приятелям стало уже надоедать такое положение. Майма стал уже утомляться; вечерами ему раньше товарища стало хотеться спать, а Умна вовсе не спал. Однажды Умна заметил на горах Кяльды огонек и решил сходить туда поохотиться на бродящего по ним человека. Отточил он свой большой нож на древке, взял ружье и пошел, а Майма остался, говоря, что одному нужно остаться при детях и семьях, чтобы защитить их в случае нападения. Ушел Умна в горы, бродил, бродил в них, но нигде никого не нашел. Человек, по-видимому, просто переночевал на них между камнями и ушел; следа никакого не осталось. Долго ходил Умна по горам, напрасно измаялся, утомился и пошел обратно. Майма тем временем немного передвинулся на новое место и стал поджидать товарища. Только ему не удалось устроить засаду, так как Умна вовремя заметил его, и они оба вместе пришли к месту новой стоянки. Бабы в это время шли лесом к этому же месту, чтобы собрать дорогой чумовых шестов.

— Эх, бабы-то не знают место и, пожалуй, заблудятся, — произнес Майма, придя туда.

Умна кинулся в лес и второпях забыл захватить ружье и свой большой нож. Майма тотчас же подхватил вооружение товарища и стал поджидать его. Скоро показался Умна с чумовыми шестами.

— А вон и бабы! — крикнул Майма.

Остановился Умна, вспомнив, что забыл захватить оружие, и, бросив шесты, кинулся было бежать за ними, но в это время Майма ранил его в ногу, а потом в ви-

сок и, когда он упал, добил его большим ножом. Убив отца, он хотел было убить и сына, но Уюльгу так просил у него пощады, что Майма оставил его в живых и вместе с его мачехой взял к себе.

УРЭН И МОЛУНА

Жил в старину богатырь по имени Урэн. Он был прекрасный охотник и неустрашимый боец. Не было зверя, которого он не мог бы догнать и убить; не было человека, который мог бы противостоять ему; всех он побеждал, лучше всех стрелял и был сильнее всех.

Далеко шла молва об удалом, непобедимом богатыре Урэне: все тунгусы о нем знали и слышали, всем были известны его подвиги. В то же время жил другой тунгусский богатырь, Молуна, также знаменитый, одолевший многих сильных и главных удалцов тунгусов. Много наслышался и Молуна об Урэне, и досадно ему было, что о нем говорят меньше, чем об Урэне, и завидно; хотелось ему уничтожить славного Урэна, но вступить с ним в открытый бой он не решался. Слава об Урэне между тем росла да росла и не давала покоя Молуна. Наконец он собрал своих людей и направился к жилищам Урэна. Жил последний на берегу одной реки, где стоял его чум и чумы его людей. Подкрался Молуна со своими людьми к речке вечером, уже темнело. Урэн с частью своих людей в это время были дома. Молуна со своими людьми, держа в руках свои луки вверх, подобно рогам, стали перебрывать речку. Урэн услышал, что на воде происходит что-то, и, увидев в темноте какие-то торчащие кверху предметы вроде рогов, решил, что это дикие олени.

— Ну, утром поохотимся на них, а теперь темно,— сказал не подозревавший ничего Урэн, успокоился.

Люди его и работники разошлись тем временем по разным делам, кто в лес, кто куда. На одного из них как раз напали люди Молуна, схватили бедного тунгуса, скрутили и привели к вождю своему. Молуна посмотрел на схваченного и говорит ему:

— Скажи нам, как узнать твоего вождя, по каким приметам, и мы оставим тебя в живых, а иначе тебе грозит смерть.

Испугался пленник и говорит:

— Когда мы сядем за еду, он один лишь среди нас будет сидеть на камне¹ и, когда ему станут давать пищу, будет подставлять не голую ладонь, как мы, а таловые стружки, чтобы не смягчить на пальцах кожу и мозоли от тетевы лука, вы это и примечайте.

— Хорошо, да смотри не проговорись,— сказал Молуна.

Тунгус ушел и, конечно, никому не проговорился. Прошла ночь. Урэн со своими людьми сел на берегу у костра есть. Но только он принялся за еду, как над головой его прожужжала стрела, пущенная из-за кустов рукой Молуна. Не ожидавший ничего подобного Урэн метнулся с места и одним прыжком, без всякого оружия перескочил через речку, но здесь его догнала вторая стрела Молуна и впилась ему в икру ноги. Безоружный и раненый Урэн сел на берегу, а враги его тем временем, выскочив из-за кустов, стали осыпать его тучами стрел.

Однако и безоружный и раненый, Урэн так ловко отстранялся от направленных на него стрел, что ни одна из них не попала в него. Долго стреляли в него, но все без результата. Наконец Урэн крикнул своим противникам:

— Что же вы одни все стреляете? Бросьте и мне кто-нибудь свой лук и стрелы, попробую я тоже пострелять в вас.

Никто, разумеется, не бросил ему своего лука.

— Ну, все равно,— сказал тогда Урэн,— что мне теперь маяться хромому; скоро вы меня так или иначе доконаете, так стреляйте же хорошенько,— и, закрыв глаза, тотчас же пал, пораженный в нескольких местах стрелами.

Молуна с людьми очень скоро после этого справились и с людьми, и с работниками Урэна. Жена Урэна сделалась добычей победителя, но, перед тем как быть уведенной, успела спрятать маленького своего сына под опрокинутый котел.

Довольно далеко от места побоища, в стороне, в лесу, жил престарелый отец убитого Урэна. Туда-то и

¹ В те времена люди садились за еду не в чуме, а вне его, вокруг костра.

направился Молуна. Явившись к старику, Молуна с насмешкой сказал ему:

— Убили сегодня одного годовалого оленьего теленка, но он оказался настолько худ, что даже мозги растаяли¹.

Понял старик, какая участь постигла его сына, поник головой и проговорил:

— Как не быть сухим и не стоять мозгам, в последние три года он один своей охотой на дичь прокармливал семь семей.

Посмотрел Молуна на старика, на его дряхлость и, решив, что не стоит убивать его, отправился к себе домой. По его уходе старик пошел к месту табора своего сына, увидел его труп, нашел под котлом мальчика, взяв его с собой, вернулся к себе домой. Стал старик воспитывать своего внука. Долго, коротко — неизвестно, сколько прошло времени, — мальчик уже порос, стал резвиться, поигрывать луком, а скоро стал и охотиться. Гоняясь за дичью, каждый раз дальше и дальше от дома стал уходить сын Урэна: что ни день, то он позже и позже возвращался домой. Бродя так по лесам и лугам, между гор и озер, он увидел однажды затесь на дереве, там другую, третью. Затесь была старая, совсем посеревшая. Стал парень проследивать затесь и увидел, что она показывает чей-то путь, идя в одном направлении, правильно и на близком расстоянии друг от друга. Вернувшись домой, парень стал спрашивать деда: какие это затеси на деревьях? Старик отделался незнанием. Заинтересовали парня эти старые затеси, чуждось ему, что тут кроется какая-то непонятная для него загадка. Чаше и чаще стал он приходить к этим затесям и пробовать проследить их и чаще и настойчивее спрашивать о них деда. Спрашивал он его и об отце своем:

— Скажи же, дед, ведь должны быть у меня отец и мать; где же они или что с ними случилось?

Но дед упорно молчал. Стал сын Урэна приходить к загадочным затесям еще чаще и проследивать их еще дальше, так что начал уходить не на день, а на несколько дней и настойчивее приставать к старику с распро-

¹ Костный мозг оленя в сыром виде у тунгусов лакомое блюдо. У сухого животного он разжижается и теряет вкус, выбрасывается.

сами. Видит старик, что парень возмужал и окреп и что его не удержишь: того и смотри, уйдет сам, и рассказал ему все об Урэне и его смерти.

— Был у меня Молуна,— добавил старик к своему рассказу,— посмеялся надо мной и сказал, что на обратном пути сделает затеси, чтобы его могли отыскать, если найдутся какие-нибудь родственники и мстители за Урэна. Но ты, дитя мое, не вздумай преследовать его; ты знаешь теперь, какой у тебя был отец, и не плох должен быть человек, которому удалось убить его; не тебе с ним тягаться.

Не таков был, однако, сын Урэна, чтобы его можно было испугать. Попрощался он со стариком, взял свои охотничьи снаряды и отправился в путь. Долго он шел и пришел наконец к старому кузнецу. Здесь парень остался на некоторое время и заставил старика ковать себе оружие, а сам занялся охотой и прокармливал старика, пока тот ковал ему. Скоро старик выковал ему броню железную и множество стрел, но, догадываясь о том, кто может быть его заказчик, долго уговаривал его не ходить к Молуна и вернуться обратно. Тот опять-таки не послушался. Тогда старик указал ему путь к Молуна и пожелал ему успеха, и тот снова отправился в путь. Скоро показался лагерь Молуна. Снял сын Урэна с себя броню, колчан со стрелами, отложил лук, спрятал все это в лесу и сам, одевшись в рваную одежду, пошел к чумам. Посередине лагеря стоял чум, сделанный лучше и просторнее других. Решив, что это и должен быть чум вождя, парень вошел в него. В чуме были одни женщины, мужчин же — ни одного.

Стали женщины расспрашивать парня, кто он, откуда и зачем ходит. Пришелец выдал себя за заблудившегося сироту, случайно набредшего на жильё. Скоро стали слышны голоса возвращающихся с охоты хозяев. Сын Урэна выглянул за дверь и, увидев подходящих к чумам людей, сразу и безошибочно определил, кто из них должен быть сам Молуна. Действительно, скоро вошел в чум сам Молуна и, заметив новое лицо, спросил, что это за парень. Тот сам повторил ему то же, что перед женщинами говорил.

— А накормили его? — спросил хозяин женщин.

— Кормили,— ответили те.

Стал Молуна тут рассказывать, как он убил когда-то Урэна, как делал затеси, чтобы его могли найти.

— Видно, не было у Урэна родных,— закончил он,— иначе пора бы кому-нибудь прийти.

— Гм, так ты хвалишься, оказывается, тем, что убил его хитростью, из-за угла?! — воскликнул сын Урэна, вскочив с места. — Я проследил твой путь и пришел по твоим следам.

Услышав это, Молуна кинулся на него с ножом, но тот успел выскочить. Крикнул тогда Молуна своим людям:

— Держите и убейте этого мальчишку!

Но сын Урэна был уже далеко. Он прибежал в лес, к тому месту, где спрятал свои доспехи, оделся, взял свои стрелы и лук и двинулся навстречу людям Молуна. Тем временем и люди, и сам Молуна, одетый и вооруженный, начали стрелять в пришельца; уже целые тучи стрел летели на сына Урэна, но ни одна не могла попасть в него, так как он увертывался и отклонялся от каждой из них, между тем как люди Молуна один за другим падали, пораженные стрелами пришельца; ни одной стрелы он не пустил мимо — что ни выстрел, то убитый или смертельно раненный. Со свистом летели его смертоносные стрелы, опустошая ряды его врагов. Метко стрелял парень, ни разу не промахнулся и скоро перестрелял всех людей и работников Молуна. Остались они вдвоем друг против друга, у них уже начали разрываться от стрел соединительные вязки брони, а сын Урэна все приближался к своему противнику.

— Пощади, не убивай. Есть у меня дочь, возьми ее себе в жены, дам я тебе за ней оленей и другого добра, сохрани только жизнь мне,— взмолился Молуна.

Парень опустил свой лук и перестал стрелять. Помирившись, Молуна действительно выдал за него свою дочь. Тут же сын Урэна нашел свою мать. Долго ли прожил здесь сын Урэна — неизвестно, только однажды он собрался в обратный путь. Взял свою жену, мать, оленей с имуществом жены и двинулся в свою сторону. Дорогой, на обратном пути, он охотился. Иногда останавливались и дневали, тогда он уходил охотиться на целый день. Однажды на одной из таких остановок их догнал Молуна, хозяина не было дома. Молуна знал это, он давно уже следил за своим зятем и искал лишь удобного случая убить его. Выдача за него своей дочери была с его стороны лишь хитростью, спасшей ему жизнь. Придя в чум, Молуна приказал женщинам собрать всю

кладь вокруг чума. Когда женщины исполнили это, он сказал:

— Сын Урэна придет вечером поздно, я спрячусь здесь, между кладью. Вечером, когда он будет возвращаться, вы откройте дверь чума ему навстречу, и, когда он осветит его в темноте, я застрелю его.

Женщины не посмели ослушаться. Залег Молуна между тюками и стал ждать. Наступил вечер, стемнело. Скоро послышались и шаги человека. Вот они ближе и ближе подходят к чуму. В это время раскрылась дверь чума и огонь от костра осветил сына Урэна. Охотник подошел к чуму и только стал заносить ногу, чтобы войти, как мимо него прожужжала стрела.

— Ну Молуна, на этот раз я тебя уже не пощажу,— проговорил сын Урэна, сразу узнав своего врага, и бросился к тому месту, откуда прилетела стрела. Увидев, что промахнулся, что старая испытанная рука изменила, Молуна кинулся бежать, но не долго бежал он: стрелы, пущенные верной и сильной рукой сына Урэна, поразили его насмерть. Так кончил Молуна свою жизнь, а сын Урэна с женой и матерью продолжал наутро свой путь.

Литература:

1. Исторический фольклор эвенков. Л., 1966.
2. Материалы по эвенкийскому фольклору. Л., 1936.

СОДЕРЖАНИЕ

Долганские загадки и приметы	5
Чукотские мифы	19
Юкагирские сказки	37
Эвенские легенды	67
Эвенкийские предания	93

Лебедева Жанна Карувна

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Редактор Е. И. Иванова
Художественный редактор Р. С. Гаврильева
Технический редактор О. И. Баженова
Корректор М. Ф. Худякова

Сд. в наб. 20.05.93. Подп. в печ. 05.07.93. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура литера-
турная. Усл. печ. л. 5,9. Уч.-изд. л. 5,5.
Тираж 20 000. Заказ 154. С 6.

Акционерная Компания «Уральский лес» —
ПКФ «Сунгирь», 620077, Екатеринбург,
пл. Октябрьская, 3.

ИПП «Уральский рабочий»,
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.